

ДНЕВНИК ОТШЕЛЬНИКА

АНАТОМИЯ НЕНАВИСТИ

ОЛЕГ ВЕРНЕР

ДНЕВНИК ОТШЕЛЬНИКА:

Анатомия ненависти

Олег Вернер

Оглавление

ЧАСТЬ I. ГОЛОСА В ТИШИНЕ

- Глава 1. Побег
- Глава 2. Искаженное эхо
- Глава 3. Молот для неугодных
- Глава 4. Глашатаи ненависти

Часть II. Тени прошлого

- Глава 5. Черное солнце Ариософии
- Глава 6. Апологетический центр Рейха
- Глава 7. Наследники Кюннета
- Глава 8. Русский Паук

Часть III. Паутина

- Глава 9. Международный маскарад
- Глава 10. Политическое православие
- Глава 11. Захват власти
- Глава 12. Суд Линча в мантиях

Часть IV. Прозрение

- Глава 13. Технология стигмы
- Глава 14. Цепная реакция
- Глава 15. Прощание и завет

Эпилог

ЧАСТЬ I. ГОЛОСА В ТИШИНЕ

«Правда не кричит на площадях. Она шепчет в тишине, и услышать ее может лишь тот, кто научился молчать».

Из бесед со Старцем

Глава 1. Побег

28 августа

Дневник. Какая пошлость. Последний раз я вел его в семнадцать, когда казалось, что каждая мысль — откровение, а каждая прыщавая драма — трагедия шекспировского масштаба. И вот мне тридцать пять, и я снова царапаю ручкой по бумаге. Не потому, что мысли стали глубже, а потому, что они исчезли. Совсем. В голове — белый шум, как на экране старого телевизора. Пустота, гулкая и вязкая, как московская ноябрьская грязь.

Я сбежал. Слово-то какое, театральное. Побег. Будто за мной гнались. Но никто не гнался. Я сам от себя уехал. От своей квартиры с видом на чужие окна, от гула Садового кольца, который въелся в кости, от бесконечных «проектов», «дедлайнов» и «коллабораций». От людей с пластиковыми улыбками и стеклянными глазами, которые говорят о высоких материях, а думают только о том, как бы урвать кусок пожирнее. От женщины, которая любила не меня, а образ «модного писателя». Образ, от которого меня самого уже тошнило.

Мой последний роман — сборник рассказов о жизни столичного «креативного класса» — получил какую-то премию. Критики писали о «тонком психологизме» и «беспощадной иронии». Беспощадная ирония заключалась в том, что я просто описывал свой круг общения, почти не меняя имен. И они, узнавая себя, радовались. Хлопали по плечу: «Старик, ну ты нас припечатал! Мощно!» Они не поняли, что это была не сатира. Это был крик о помощи. Вопль человека, задыхающегося в вакууме.

И я сломался. Сел за новый роман и понял, что не могу написать ни строчки. Все слова казались фальшивыми, вымученными. Я смотрел на пустой лист, а он

смотрел на меня с немим укором. Белый прямоугольник пустоты. Моя пустота, отраженная в нем.

Поэтому я здесь. Деревня Урманное, сто пятьдесят километров от ближайшего города, который сам по себе — дыра. Дальше — только тайга. Бескрайняя, молчаливая, равнодушная. Дом, который я снял на полгода, — почерневшая от времени пятистенка. Пахнет сухим деревом, печной сажой и чем-то еще — старым, забытым. Из удобств — колодец во дворе и дощатый нужник за сараем. Тишина здесь не просто отсутствие звука. Она материальна. Она давит на барабанные перепонки, звенит в ушах. Первые дни я просыпался среди ночи в холодном поту, думая, что оглох.

Прошла неделя. Я пытался писать. Раскладывал на столе свой макбук — чужеродный, глянцевый предмет из другой вселенной. Открывал файл. И закрывал. Ходил по дому. Смотрел в окно на темную стену елей. Пил чай. Снова садился. Снова вставал. И так по кругу. Белка в колесе собственного бессилия.

5 сентября

Сегодня впервые заговорил с человеком. За молоком ходил к бабе Нюре, единственной, кто еще держит корову. Морщинистая, сухая, как гриб-трутовик. Глаза выцвели, но смотрят остро.

— Писатель, значит? — спросила она, наливая в мой бидон густое, пахнущее травой молоко. — Книжки строчишь?

— Пытаюсь, — неопределенно ответил я.

— А чего тут писать-то? Лес стоит, речка течет. Все одно. Вот в городе — там да, суета, людишки кишат, всякое творится. А у нас — тишь.

— Я за тишью и приехал.

Она хмыкнула, посмотрела на меня долго, изучающе.

— За тишью... Многие едут. Думают, тут благодать. А тишина-то, она разная бывает. Бывает — лечит. А бывает — с ума сводит. Пустоту твою наружу выворачивает. Коли внутри пусто, так и останешься с дыркой.

Она замолчала, протягивая мне бидон. Я расплатился. Уже у калитки она окликнула:

— Ты это... в лес-то далеко один не ходи. Тут заплутать — раз плюнуть. Места дикие. Разве что на заимку к Тихону выйдешь.

— К какому Тихону? — полюбопытствовал я.

— А есть тут у нас один. Отшельник. В лесу живет, почитай, лет двадцать. Раньше профессором был, в городе большом. А потом все бросил и сюда. Умный, говорят, мужик. Только чудной. Молчит все больше.

Отшельник. Профессор. Картина маслом. В моей московской голове сразу сложился пазл: очередной эзотерический гуру, сбежавший от цивилизации, чтобы вещать заблудшим душам о чакрах и астральных телах. Или просто спятивший старик. Я вежливо кивнул бабе Нюре и пошел обратно, решив для себя, что уж к кому-кому, а к местным сумасшедшим я точно не пойду. Своих тараканов хватает.

12 сентября

Проклятый день. Кажется, я понял, что имела в виду баба Нюра, когда говорила про тишину, которая сводит с ума. Утром я снова сел за ноутбук. И меня накрыло. Не просто творческий ступор, а настоящая паническая атака. Стены избы начали давить, воздух стал густым, нечем дышать. Я вскочил, натянул ботинки и бросился вон из дома. Куда угодно, лишь бы не видеть этот пустой экран, эту комнату, это молчаливое свидетельство моей никчемности.

Я шел по лесной тропе, почти бежал, не разбирая дороги. Гнев и отчаяние душили меня. Кто я? Неудачник, который написал одну удачную книжку и возомнил о себе? Пузырь, который сдулся? Зачем я здесь? Чего ищу? Ответов не было.

Я очнулся, когда солнце уже начало клониться к закату. Я стоял посреди незнакомого леса. Вокруг — вековые сосны, покрытые седыми лишайниками. Под ногами — пружинистый мох. И тишина. Та самая, материальная, но теперь она была не просто звенящей. Она была живой. Она дышала, шелестела, смотрела на меня тысячами невидимых глаз. И я понял, что заблудился.

Первой реакцией был страх. Холодный, липкий, животный. Я вертел головой, пытаюсь сориентироваться. Бесполезно. Все деревья одинаковые. Солнце садилось за сплошную стену леса, и я не мог определить, где запад. Я крикнул. «Ау!» Мой голос прозвучал жалко и тоскливо, утонул в этом зеленом океане.

Паника нарастала. Я представил себе ночь в этом лесу. Холод. Звери. Я москвич, дитя асфальта. Мой максимум выживания — заказать пиццу через приложение. Я бросился в одну сторону, потом в другую, ломая ветки, спотыкаясь о корни. Сердце колотилось где-то в горле.

И тут я увидел дымок. Тонкая, едва заметная струйка, поднимающаяся к лиловому небу. Надежда. Я пошел на него, как мотылек на огонь, уже не чувствуя ни царапин на лице, ни усталости.

Заимка показалась внезапно. Она будто выросла из земли. Небольшая, но добротная избушка из темного бруса, сложенная так ладно, что казалась частью лесного пейзажа. Рядом поленница, аккуратная, как рисунок в учебнике. Небольшой огород, где еще зеленели какие-то грядки. Ни забора, ни калитки. Просто островок человеческой жизни посреди дикой природы.

На крыльце сидел старик. Я замер в нескольких шагах, не решаясь подойти. Он был худой, высокий, с совершенно белой бородой, доходившей почти до пояса. Одет просто — в темную рубаху и штаны. Он строгал ножом какую-то деревяшку, и белая стружка вилась и падала ему на колени. Он поднял голову и посмотрел на меня.

Это был самый пронзительный взгляд, который я когда-либо встречал. Глаза — светло-голубые, почти прозрачные, как весенний лед. В них не было ни удивления, ни страха, ни любопытства. Только спокойствие. Глубокое, бездонное, как небо над тайгой.

— Заблудился, горожанин? — голос у него был тихий, но на удивление сильный, без старческого дребезжания.

Я только кивнул, не в силах вымолвить ни слова. Дыхание сбилось. Он молча встал. Я ожидал вопросов, нравоучений, чего угодно. Но он просто указал рукой на едва заметную тропинку, уходившую в чащу.

— Иди по ней. Никуда не сворачивай. Через час выйдешь к реке. Вдоль нее дойдешь до деревни. Успеешь до темноты.

Он снова сел на крыльцо и взялся за свою деревяшку, будто меня здесь и не было. Первая моя встреча со Старцем продлилась не больше минуты. Не было ни чая, ни разговоров. Он просто указал дорогу.

Я поблагодарил, развернулся и пошел по тропе. Я шел и чувствовал на спине его спокойный, немигающий взгляд. И странное дело — паника улеглась. Страх исчез. Я шел по темнеющему лесу, но мне не было страшно. Как будто этот молчаливый старик одним своим присутствием вернул мир на место.

Когда я вышел к своей избе, уже совсем стемнело. Я зажег лампу, сел за стол. Взял эту тетрадь. И впервые за много недель мне захотелось писать. Не роман. Не рассказ. Просто записать то, что случилось. Потому что я понял: в этой тишине есть не только пустота. В ней есть что-то еще. Или кто-то. И этот кто-то обладает силой, которую я не могу ни понять, ни объяснить.

Я встретил отшельника.

Или он встретил меня.

Глава 2. Искаженное эхо

16 сентября

Четыре дня я не выходил из дома. Не из-за страха, а из-за растерянности. Образ Старца не шел у меня из головы. Его молчание, его взгляд, его абсолютное спокойствие. Это не было похоже на чудачество или старческий маразм. Это

была... целостность. В нем не было ничего лишнего. Он был таким же органичным, как деревья вокруг его избы.

В Москве я вращался среди людей, которые были ходячими конструкторами. Один состоит из модных брендов, другой — из цитат постмодернистов, третья — из феминистских лозунгов. Фасады, за которыми — тревога и пустота. А этот старик был монолитом. Он был просто собой. И это пугало и притягивало одновременно.

Любопытство пересилило. Профессиональное, писательское любопытство. Кто он? Бывший профессор, как говорила баба Нюра? Почему он здесь? Я решил пойти к нему снова. На этот раз — подготовленным. Купил в автолавке, которая приезжает по четвергам, буханку черного хлеба, пачку соли, банку тушенки и хороший китайский чай в жестяной коробке. Не с пустыми же руками идти.

Тропу я нашел на удивление легко. Она была едва заметной, но, раз пройдя по ней, я уже не мог ее потерять. Будто она отпечаталась в памяти.

Он был там же, на том же месте. Сидел на крыльце и чинил старую сеть. Увидев меня, он медленно поднял голову. В его глазах не было удивления. Скорее, узнавание. Будто он ждал.

— Снова ты, — сказал он.

Это была не констатация, а скорее, начало разговора.

— Я пришел поблагодарить, — сказал я, ставя пакет с продуктами на ступеньку. — И... вот. Гостинец.

Он посмотрел на пакет, потом на меня. В уголке его глаз мелькнула легкая усмешка.

— Благодарность не носят в пакетах, горожанин. Ее носят в сердце. Но за чай — спасибо. Хороший чай здесь редкость. Проходи в дом.

Внутри изба была такой же простой и функциональной, как и снаружи. Широкая лавка вдоль стены, грубо сколоченный стол, русская печь, занимавшая почти полкомнаты. На полке — несколько книг в потрепанных переплетах. Никаких икон, никаких эзотерических побрякушек. Только чистота и порядок.

Он поставил на огонь закопченный чайник. Мы молчали. Это молчание не было неловким. Оно было... наполненным. Как будто мы говорили без слов.

— Писатель, значит, — сказал он, наливая в две щербатые кружки дымящийся, ароматный напиток. Он не спрашивал, он утверждал.

— Откуда вы знаете?

— У тебя глаза голодные. И руки без дела маются. Ты не смотришь, ты — вглядываешься. Собираешь. А зачем собирать, если не для того, чтобы потом отдать?

Я достал из кармана блокнот и ручку. Привычка.

— Можно я буду записывать?

— Если тебе так легче думать — записывай. Бумага все стерпит.

Мы пили чай. Я не знал, с чего начать. Все мои заготовленные вопросы казались глупыми и неуместными.

— Меня зовут Олег, — сказал я наконец.

— Я Тихон, — просто ответил он.

И снова молчание. Я чувствовал себя нелепо. Пришел, притащил тушенку, а теперь сижу и не знаю, что сказать. Он посмотрел на мой блокнот.

— Ищешь сюжет? Историю про сбрендившего профессора, который ушел в лес от несчастной любви?

— Нет, — я сам удивился своей честности. — Я ищу смысл. Кажется, я его потерял.

Тихон отставил кружку и посмотрел мне прямо в глаза.

— Смысл не теряют, Олег. От него отворачиваются.

Он встал, подошел к печи, подбросил полено. Огонь затрещал, осветив его лицо. Оно было как карта — испещренное морщинами, каждая из которых хранила свою историю.

— Ты работаешь со словом, так? — спросил он, не оборачиваясь. — Ты знаешь его силу. Словом можно исцелить, а можно убить. А можно создать чудовище, которое потом пожрет и своего создателя, и всех вокруг.

— Я не совсем понимаю.

— А ты подумай. — Он повернулся ко мне. — Вот тебе вопрос, писатель. Почему люди так охотно верят в зло, даже если его нет? Почему так легко принимают на веру самые чудовищные обвинения против других, даже без доказательств? Почему клевета всегда интереснее правды?

Вопрос застал меня врасплох. Я что-то промямлил про желтую прессу, про потребность в зрелищах, про человеческую психологию... Он слушал, слегка наклонив голову, а потом прервал меня мягким жестом.

— Это все поверхность. Шелуха. Ты смотри в корень. Человеку нужен враг. Внешний враг оправдывает его собственную внутреннюю пустоту и низость. Легче ненавидеть соседа за то, что он якобы пьет кровь младенцев, чем признать, что ты сам — трус и завистник. И эта технология стара как мир.

Он сел напротив меня. Его глаза потемнели.

— Возьмем, к примеру, первых христиан. Знаешь, в чем их обвиняли? В атеизме — потому что они не поклонялись римским богам. Но самое страшное обвинение было в каннибализме. Они говорили на своих службах о «вкушении плоти и крови». Для обывателя, который не вникал в суть таинства Евхаристии, это звучало как прямое признание в людоедстве. И толпа верила. И требовала крови. Потому что поверить в чудовищ — проще, чем понять инакомыслящих.

Я слушал, затаив дыхание. Это была не лекция. Это был рассказ очевидца. Будто он сам стоял в той римской толпе.

— Но самое интересное началось потом, — продолжал Тихон. — Когда гонимые сами пришли к власти. Они очень быстро усвоили методы своих гонителей. Появился замечательный инструмент для борьбы с любым, кто думает иначе. Инструмент этот — слово. Слово «ересь».

Он произнес это слово — «ересь» — как-то особенно, с нажимом.

— Поначалу это был просто богословский термин, обозначавший «иное мнение». Но очень быстро он превратился в клеймо. В оружие. И знаешь, кто первым сделал из него систему? Кто первым начал не просто спорить, а планомерно создавать образ врага, демонизировать его, приписывать ему все смертные грехи?

Я пожал плечами.

— Святой Ириней Лионский, — Тихон усмехнулся. — Ирония, правда? Будущий святой, борец с ересями. Он жил во втором веке. И его главным врагом были так называемые гностики. Валентиниане, например. Очень сложное, запутанное учение о духовном знании, о гнозисе. Большинство людей ничего в этом не понимало. И Ириней нашел гениальный ход. Зачем спорить с их сложной философией, если можно просто объявить их всех служителями дьявола, развратниками и обманщиками? Он написал огромный трактат «Против ересей», где не столько разбирал их идеи, сколько создавал их черный пиар. Он первым применил прием дегуманизации в промышленных масштабах. Знаешь, как он называл гностические учения?

Я отрицательно покачал головой.

— «Грибы, выросшие из земли после дождя». Понимаешь? Не иное мнение, не заблуждение, а нечто низшее, нечеловеческое. Паразиты. Отравы. А что делают с ядовитыми грибами? Их вырывают с корнем и сжигают. Запомни этот образ, Олег. «Ядовитые грибы». Через тысячу восьмьсот лет нацистская пропаганда будет использовать точно такой же образ, выпуская детскую книжку «Der Giftpilz», где евреев будут сравнивать с поганками. Технология не изменилась. Просто стала эффективнее.

Он замолчал, давая мне время осмыслить сказанное. В избе потрескивали дрова. За окном сгущались сумерки.

— Ириной Лионский, — повторил я, записывая имя в блокнот. — Почему вы так... выделяете его?

Тихон посмотрел на меня своим пронзительным взглядом. В его глазах я снова увидел ту легкую, почти печальную усмешку.

— Потому что в этом мире ничего не бывает случайно, Олег. Зло любит символы. И оно очень любит иронию. Ты еще не раз услышишь это имя. Но это уже другая история. На сегодня, пожалуй, хватит. Тебе пора. Скоро стемнеет.

Я поднялся. Голова гудела от информации. История, которую я учил в институте, — сухая, академичная, — вдруг ожила и показала свое страшное, уродливое лицо.

— Спасибо, отец Тихон, — сказал я у порога.

— Не за что. Ты сам спросил. И запомни: эхо всегда искажает голос. А эхо чужой ненависти превращает его в вой. Иди.

Я шел обратно по лесной тропе. Мир вокруг изменился. Тени казались длиннее, тишина — тревожнее. Я думал о словах. «Ересь». «Грибы». Простые слова, которые становились приговором. И я впервые подумал о том, что моя профессия — работа со словами — может быть не такой уж безобидной.

Глава 3. Молот для неугодных

22 сентября

Я стал завсегдатаем на заимке у Тихона. Хожу к нему каждые два-три дня. Иногда мы просто пьем чай и молчим. Он колет дрова, я сижу на бревне и смотрю. Это похоже на медитацию. Городская суeta, которая сидела во мне занозой, постепенно выходит. Но чаще мы говорим. Вернее, говорит он, а я слушаю и записываю.

Мой блокнот стремительно заполняется. Я пытаюсь анализировать то, что он говорит. Мой внутренний скептик еще не умер. Он постоянно шепчет: «Олег, опомнись. Ты сидишь в глухой тайге и слушаешь байки старого отшельника. Может,

он просто начитался исторических книг и теперь развлекает тебя, скучающего москвича? А может, он и есть тот самый спятивший профессор?»

Но другая моя часть, писательская, интуитивная, понимает: это не просто байки. В его словах есть система. Он не просто пересказывает факты. Он выстраивает их в единую, пугающую цепь. Он ведет меня куда-то. У него есть цель. И я хочу понять, какая.

Кто он — гений или сумасшедший? Я не знаю. Но я знаю, что после разговоров с ним я возвращаюсь в свою избушку и впервые за долгое время чувствую не пустоту, а голод. Информационный, интеллектуальный голод. Я хочу знать больше. Я скачиваю через свой дохлый мобильный интернет книги, статьи, ищу имена, которые он называет. И, к своему ужасу, нахожу подтверждение его словам.

25 сентября

Сегодня был холодный, ветреный день. Небо затянуло свинцовыми тучами. Пахло дождем и прелой листвой. Тихон топил печь. В избе было жарко и пахло березовым дымом.

— Ну что, писатель, — сказал он, закрывая заслонку, — готов к следующему уроку? Мы остановились на том, как создается образ врага. Но создать образ мало. Нужен механизм для его уничтожения. Нужна структура, которая поставит охоту на неугодных на поток.

Я приготовил блокнот.

— Инквизиция? — предположил я.

— Именно. — Он сел напротив. — Только выкинь из головы все эти картинки из фильмов: люди в черных плащах, зловещие подземелья, пыточные камеры. Это все внешнее. Суть Инквизиции — не в этом. Суть Инквизиции в том, что это была первая в истории государственная полицейская структура, созданная специально для борьбы с инакомыслием. Первое «министерство правды».

— Но ведь это был церковный орган?

— Формально — да. По сути — нет. Это была спецслужба. Ее задача была не в спасении душ, а в тотальном контроле над умами. Смотри, как все было устроено. Все началось не сразу. В 1184 году Папа Луций III издал буллу, по которой епископы должны были выявлять еретиков на своей территории. Это были, так сказать, первые «полицейские по охране веры» на местах. Но система была децентрализованной, работала плохо. Епископы часто саботировали процесс, не желая ссориться с местной знатью, которая нередко покровительствовала тем же катарам или вальденсам.

Он сделал паузу, наливая чай.

— А потом, в 1215 году, на Четвертом Латеранском соборе, система изменилась. Была учреждена специальная папская Инквизиция. Это уже была не просто обязанность епископов, а отдельная, независимая структура, подчинявшаяся напрямую Риму. Ее главная функция была какой, как ты думаешь?

— Судить еретиков?

— Нет. Ее главной функцией был сбор информации. Доносов. Инквизиторы не ждали, пока кто-то придет и пожалуется. Они сами приезжали в город или деревню, объявляли «время милосердия» и призывали всех добропорядочных католиков доносить на соседей, друзей, родственников, которые «живут или говорят не по-христиански». Понимаешь? Они создали первую в истории тотальную систему доноительства, узаконенного и даже поощряемого. Сосед позавидовал твоему урожаю — написал донос. Ты не дал в долг — получил донос. Тебя просто не любят за то, что ты слишком умен или слишком красив — и вот уже твое имя в списках инквизитора.

— Но ведь были расследования, суды...

— Были. И это самая гениальная часть механизма. Суд Инквизиции — это театр абсурда. Обвиняемому не сообщали, в чем конкретно его обвиняют. Ему не называли имен свидетелей. У него не было адвоката. Его единственной задачей было — признаться. В чем? В чем угодно. В ереси. Если он не признавался — его пытали. Пытка считалась не наказанием, а «методом получения истины». Если человек под пытками признавался — его признавали виновным. Если он умирал под

пытками — его тоже признавали виновным, потому что праведник бы выдержал. Если он, что почти невозможно, выдерживал все пытки и не сознавался — его могли отпустить, но он навсегда оставался под подозрением. Это была система без выхода.

Я слушал, и по спине у меня бежали мурашки. Это была не просто история. Это была отточенная, дьявольски эффективная технология.

— Но, чтобы эта машина работала, ей нужно было идеологическое топливо, — продолжал Тихон. — Нужна была не просто инструкция, а нечто большее. Настольная книга для каждого «охотника на ведьм». И такая книга появилась.

Он встал, подошел к своей книжной полке и снял с нее толстый том в простом кожаном переплете, без названия. Книга была явно очень старая.

— Это не оригинал, конечно. Репринт девятнадцатого века. Но содержание то же.

Он положил книгу на стол передо мной.

— «Malleus Maleficarum». «Молот ведьм». Написан в 1486 году двумя доминиканскими монахами, инквизиторами Генрихом Крамером и Якобом Шпренгером. Ты, наверное, слышал о ней.

— Слышал. Книга о том, как распознавать ведьм.

— Нет, Олег. Ты снова смотришь на поверхность. Эта книга — не про ведьм. Ведьм, в том виде, как они там описаны, никогда не существовало. Эта книга — первое в истории подробное «методическое пособие» по созданию образа врага, его выявлению и последующему уничтожению. Это практическое руководство для параноиков.

Он открыл книгу. Страницы были испещрены латинским текстом и готическим шрифтом.

— Смотри, из чего она состоит. Первая часть — теоретическая. Она доказывает, что ведьмы существуют, что они — реальная и страшная угроза всему христианскому миру. Она создает панику, нагнетает истерию. Она убеждает читателя, что враг повсюду. Вторая часть — практическая. Как распознать ведьму. И тут начинается

самое интересное. Признаками ведьмовства могло быть что угодно. Рыжие волосы. Хромота. Бородавка. Знание целебных трав. Слишком красивая или слишком уродливая. Слишком умная или слишком глупая. Любое отклонение от серой, безликой нормы становилось «признаком». И третья часть — юридическая. Как вести процесс. Как допрашивать. Как пытаться. Как выносить приговор. Это готовый шаблон. Бери и пользуйся.

Тихон закрыл книгу. Глухой стук разнесся по тихой избе.

— Эта книга стала бестселлером своего времени. Ее переиздавали десятки раз. Она лежала на столе у каждого судьи, у каждого священника, у каждого князя в Германии, Франции, Италии. Она стала юридическим и моральным оправданием для массового психоза и террора, который продолжался почти триста лет. Сотни тысяч людей, в основном женщин, были замучены и сожжены на основании этой... макулатуры.

Он помолчал, глядя в огонь.

— А теперь самое главное. Убери из этой схемы ведьм. И подставь любое другое слово. «Еретик». «Враг народа». «Иностранный агент». «Экстремист». «Сектант». Что-нибудь изменится?

Я молчал. Ответ был очевиден. Ничего.

— Технология та же, — тихо сказал он. — Сначала ты создаешь теоретическую базу, доказывая, что «сектанты» — это страшная угроза обществу, семье, государству. Что они — не люди, а зомби, которые хотят захватить мир. Затем ты даешь список «признаков». Ходит на собрания? Жертвует деньги? Улыбается без причины? Читает «неправильные» книги? Поздравляю, перед вами — сектант. А потом ты создаешь процедуру. Пишешь «экспертное заключение», основанное не на фактах, а на твоей же собственной теории. Приносишь это заключение в суд. И суд, который, как и судьи пятнадцатого века, ничего не понимает в предмете, но боится показаться нелояльным «эксперту», штампует обвинительный приговор. «Молот ведьм» не умер, Олег. Он просто сменил обложку. Сегодня он называется «экспертным заключением по деструктологии» или «религиоведческой

экспертизой». А пишут его все те же Крамеры и Шпренгеры. Просто фамилии у них другие.

В избе было жарко от печки, но меня бил озноб. Абстрактное зло, о котором я читал в книгах, вдруг обрело четкие, технологические контуры. Это была не стихийная ненависть толпы. Это была холодная, расчетливая, бюрократическая машина. И она работала веками.

— Но кто... кто эти современные Крамеры и Шпренгеры? — спросил я. Тихон снова посмотрел на меня своим долгим, пронзительным взглядом.

— Терпение, писатель. Всему свое время. Для начала тебе нужно понять, откуда растут ноги у самой страшной идеологии ненависти, которая едва не уничтожила человечество в двадцатом веке. Ты думаешь, она родилась в пивных Мюнхена? Ошибаешься. Она родилась там же, где и «Молот ведьм». В головах у фанатиков, считавших себя носителями высшей истины.

Глава 4. Глашатаи ненависти

1 октября

Осень вошла в свои права. Ночи стали длинными и холодными, по утрам на траве лежит иней. Тайга сменила зеленый наряд на багряно-золотой. Воздух стал прозрачным и хрупким, как тонкое стекло. Я почти перестал думать о Москве, о своей прошлой жизни. Она кажется теперь сном, чем-то нереальным. Реальность — это скрип половиц в старой избе, запах дыма, вкус колодезной воды и долгие беседы с Тихоном, которые переворачивают мой мир с ног на голову.

Я пришел к нему сегодня вечером. Он сидел у печи, подбрасывая в огонь сосновые шишки. Они вспыхивали и сгорали почти мгновенно, наполняя избу смолистым ароматом.

— Хорошо горят, — сказал он, не оборачиваясь. — Быстро. Ярко. И ничего не остается. Только пепел. Так же сгорают и люди, одержимые ненавистью. Они думают, что светят, а на самом деле просто сжигают себя изнутри.

Я сел на свое обычное место на лавке. В моем блокноте уже не было чистых страниц, я начал новый. Я чувствовал себя летописцем, записывающим историю, которую никто до меня не слышал.

— Вы говорили, что нацизм имеет религиозные корни, — напомнил я. — Я всегда думал, что это чисто политическая, расовая идеология.

— Потому что так удобнее думать, — ответил Тихон. — Удобно отделить зерна от плевел. Сказать: вот религия, она про духовность и добро. А вот — политика, она про власть и грязь. Но мир не черно-белый, Олег. Самые чудовищные преступления в истории человечества совершались с именем Бога на устах. И нацизм — не исключение. Он не возник из ничего. У него были свои глашатаи. И вышли они, как ни странно, из среды, которую принято считать оплотом морали.

Он взял кочергу и поворошил угли в печи.

— Начнем с фигуры, которую ты наверняка уважаешь. Великий реформатор, отец протестантизма. Мартин Лютер.

Я удивленно поднял брови.

— Лютер? Но он же боролся с косностью католической церкви, перевел Библию...

— Да, да. Все это было. Но была и другая сторона, о которой не любят говорить в приличном обществе. Лютер был человеком одержимым. Одержимым верой, да. Но еще — ненавистью. Ненавистью ко всем, кто не вписывался в его картину мира. К крестьянам, которые подняли восстание, вдохновившись его же идеями. Он призывал князей «колоть, рубить и душить их, как бешеных собак». К анабаптистам, которых топили тысячами. Но главной его ненавистью были евреи.

Тихон отложил кочергу. Его голос стал тихим и жестким.

— В конце жизни он написал отвратительный памфлет «О евреях и их лжи». Знаешь, к чему он там призывал? Он писал, что их синагоги и школы нужно сжечь. Их дома — разрушить. Их священные книги — отобрать. Их раввинам — запретить проповедовать под страхом смерти. Их самих — изгнать или заставить заниматься рабским трудом. Это почти дословная программа «Хрустальной ночи» 1938 года. И

знаешь, кто был его большим поклонником? Адольф Гитлер. В «Майн Кампф» он восхищался Лютером, называл его «великим гением», который первым разглядел «еврейскую угрозу». Нацисты тоннами печатали и распространяли антисемитские трактаты Лютера. Потому что им не нужно было ничего придумывать. Пророк ненависти уже все сказал за четыреста лет до них.

Я был ошеломлен. В моем сознании образ Лютера — просвещенного гуманиста — трещал по швам.

— Но он был один... Средневековый фанатизм...

— Один? — Тихон горько усмехнулся. — Он посеял семена. А всходы дали другие. Уже в девятнадцатом веке, в просвещенной Германии. Был такой человек, Адольф Штёккер. Протестантский теолог, придворный капеллан кайзера Вильгельма I. Очень уважаемый человек. И он сделал следующий шаг. Он вынес антисемитизм из церковной проповеди на политическую арену. Он основал Христианско-социальную рабочую партию. И ее главной, центральной идеей был антисемитизм. Он сам с гордостью называл себя «основателем современного антисемитского движения». Он первым сделал ненависть к евреям респектабельной политической программой. Уже не просто религиозная нетерпимость, а политическая борьба. Чувствуешь, как меняется акцент?

Я кивнул, лихорадочно записывая. Цепочка выстраивалась. От богословия — к политике.

— А дальше — больше, — продолжал Тихон. — Появляется еще один «пророк». Австриец. Георг фон Шёнерер. Этого Гитлер в «Майн Кампф» называет уже своим «духовным отцом». Этот пошел еще дальше. Он был лидером пангерманского движения, которое требовало объединения всех немцев в единый Рейх. И он провозгласил, что чистота арийской расы — превыше всего. Он требовал «истребления паразитических рас». И именно он создал весь антураж будущего нацизма. Он заставил своих последователей называть себя «фюрером». Он ввел в обиход партийное приветствие «Heil!», что значит «Слава!» или «Спасение!». Понимаешь? Он создал культ личности, политическую религию, где место Бога занял вождь нации.

Фюрер. Хайль. Эти слова, знакомые по фильмам о войне, прозвучали в тишине таежной избы особенно зловеще.

— Религия, политика, культ вождя... — пробормотал я. — Все сходится.

— Всегда сходится, — кивнул Тихон. — Но и это еще не все. Нужен был последний элемент. Нужна была мистика. Обоснование того, что арийцы — не просто высшая раса, а божественная раса. А все остальные — недочеловеки, которых можно и нужно уничтожать без зазрения совести. И этот элемент тоже нашелся. И принес его, опять же, человек из религиозной среды.

Тихон подбросил в печь последнюю шишку. Она вспыхнула, как звезда, и тут же погасла.

— Его звали Йорг Ланц фон Либенфельс. Бывший монах-цистерцианец. В юности он якобы нашел на развалинах замка надгробие рыцаря-тамплиера, который побеждает обезьяноподобное существо. И его осенило. Он создал целую расистскую религию — «ариософию». Учение о божественных арийцах и звероподобных низших расах. Он даже основал свой собственный «Орден новых тамплиеров», где проводил расистские ритуалы. И он издавал журнал «Остара», который в молодости зачитывал до дыр один нищий венский художник по имени Адольф Гитлер. Позже Гитлер признавался, что Ланц был «человеком, который дал ему его идеи».

Тихон замолчал. В его голосе не было осуждения. Только глубокая, бесконечная усталость. Будто он рассказывал эту историю тысячу раз.

— Идеи Ланца были просты и чудовищны, — сказал он, глядя на догорающие угли. — Он призывал к тотальной сегрегации. К стерилизации и кастрации представителей «низших рас». К их принудительному труду и, в конечном счете, к полному физическому уничтожению. Все, что Гитлер и нацисты реализовали потом в концлагерях, — это прямые цитаты из работ бывшего монаха, создателя новой религии ненависти.

Наступила тишина. Тяжелая, давящая. Я сидел, глядя в свой блокнот, на имена: Лютер, Штёккер, Шёнерер, Ланц. Священники, теологи, монахи. Глашатаи. Глашатаи ненависти. Я поднял глаза на Тихона.

— Но как... как это стало возможным? Как идеи нескольких фанатиков смогли овладеть целой нацией? Самой образованной, самой культурной нацией Европы?

Он вздохнул.

— Для этого нужен был последний винтик в машине. Нужна была структура. Организация, которая взяла бы на себя грязную работу. Которая собирала бы списки. Которая писала бы доносы. Которая идеологически обслуживала бы геноцид. Мы с тобой уже говорили о такой структуре. Об Инквизиции. В двадцатом веке она просто возродилась под другим именем. И самое страшное, Олег, что она снова была создана при церкви.

За окном выла метель. И мне показалось, что это воют невинные души, перемолотые молохом, который запустили эти страшные люди. Я чувствовал, как история перестает быть для меня просто набором фактов. Она становилась живой, кровоточащей раной. И я понимал, что Тихон подвел меня к самому главному. К тому, с чего, возможно, и началась его собственная трагедия.

Часть II. Тени прошлого

«Человек боится не темноты. Он боится того, что в ней скрывается. А зря.

Самые страшные чудовища рождаются не в темноте, а в ослепительном свете фанатичной веры, которая объявляет себя единственной истиной».

Из бесед со Старцем

Глава 5. Черное солнце Ариософии

14 октября

Метель утихла так же внезапно, как и началась. Утро встретило меня ослепительным солнцем и пронзительной синевой неба. Тайга, припорошенная первым снегом, сияла под его лучами, как невеста в подвенечном уборе. Красота была такой совершенной, такой чистой, что казалась нестерпимой. Она была

диссонансом, кричащим противоречием тому внутреннему мраку, в который я погрузился после последнего разговора с Тихоном.

Лютер, Штёккер, Шёнерер. Имена, которые раньше были для меня лишь строчками в учебниках, теперь сложились в зловещую триаду, в заклинание, породившее монстра. Я не спал всю ночь. Сидел у догорающей печи и смотрел в окно на кружащиеся снежинки. Глашатаи ненависти. Я снова и снова перечитывал свои записи. Я пытался найти в их логике изъян, ошибку, спасительную лазейку, которая позволила бы мне сказать: «Нет, это не так! Это просто совпадение, натяжка, игра ума старого отшельника». Но изъяна не было. Была железная, леденящая душу последовательность.

Я думал о своей профессии. О писательстве. Мы, писатели, тоже глашатаи. Мы создаем миры, формируем смыслы, управляем эмоциями. И какова наша ответственность? Я писал ироничные рассказы о столичной богеме, упиваясь собственным остроумием. Я думал, что обличаю пустоту, а на самом деле — лишь обслуживал ее, создавал для нее приятный литературный фон. Мои слова были пустым эхом в пустой комнате. А в это время где-то в мире другие «писатели», другие «глашатаи» создавали тексты, которые убивали. Буквально.

Мне нужно было снова идти к Тихону. Не из любопытства. А как больной идет к врачу за следующей дозой лекарства, пусть даже горького. Я должен был услышать все до конца.

Когда я подошел к заимке, он колот дрова. Движения его были медленными, ритмичными, точными. Взмах топора — и полено с сухим треском разлетается на две ровные половины. В этом простом действии была та же целостность и завершенность, что и в нем самом. Он увидел меня, воткнул топор в колоду и кивнул в сторону избы.

— Заходи. Чайник как раз вскипел.

В избе было тепло. Я сел на свое место, достал новый, девственно чистый блокнот. Тихон налил чай. Мы молчали несколько минут. Он давал мне возможность собраться с мыслями.

— Трудно принять, что дорога в ад вымощена не только благими намерениями, но и священными текстами, — сказал он наконец, глядя на меня в упор.

— Я не понимаю, как целая нация, нация Гёте, Канта и Баха, могла пойти за этими... глашатаями, — выдохнул я. — Должно было быть что-то еще. Что-то, что затронуло не только разум, но и душу.

— Ты правильно чувствуешь, — кивнул Тихон. — Политической программы и расовой теории было недостаточно. Чтобы миллионы людей с радостью пошли убивать других, им нужно было дать не просто идею. Им нужно было дать религию. Новую, пьянящую, освобождающую от химеры совести. И такая религия была создана. Мы вчера остановились на ее создателе. На бывшем монахе.

Он отпил чаю и продолжил. Его голос был ровным, почти бесстрастным, как у патологоанатома, вскрывающего труп.

— Йорг Ланц фон Либенфельс. Запомни это имя. Он не был ни политиком, ни ученым. Он был мистиком. И именно поэтому он был опаснее их всех, вместе взятых. Он понял то, чего не поняли они: чтобы управлять толпой, нужно апеллировать не к логике, а к архетипам. К древним, темным инстинктам, которые дремлют на дне коллективного бессознательного. В юности, будучи монахом в цистерцианском монастыре, он изучал древние манускрипты. И, по его собственным словам, ему открылась «истина». Он увидел, что вся история человечества — это не борьба добра со злом, а борьба рас. Борьба божественных светловолосых и голубоглазых «ариогероев» с темными, волосатыми, звероподобными «недочеловеками». Он утверждал, что первородный грех Евы заключался не в том, что она съела яблоко, а в том, что она вступила в связь с демоном, породив эти самые «низшие расы».

Я слушал, и мне становилось дурно. Это был уже не просто расизм. Это была теология ненависти.

— Он ушел из монастыря, — продолжал Тихон, — и посвятил себя проповеди своего нового учения, которое он назвал «ариософия». Мудрость ариев. Звучит красиво, не правда ли? Дьявол всегда рядится в красивые одежды. В 1900 году он покупает развалины замка Верфенштайн на Дунае и основывает там «Орден новых

тамплиеров». Это была уже настоящая секта. Со своей иерархией, ритуалами, символикой. Знаешь, какой у них был флаг? Красный крест на золотом поле, а в центре — свастика. Символ солнца. Черного солнца, которое светит только для избранных.

Тихон встал и прошелся по избе.

— В своем замке они проводили службы. Облачались в белые мантии. Пели гимны, прославляющие чистоту арийской крови. Они поклонялись не Христу, а «арийскому Иисусу» — белокурому воину, который пришел не спасать грешников, а уничтожить «расово неполноценных». Ланц переписал Евангелие на свой лад. Он создал законченную, самодостаточную религию, которая давала своим адептам главное — ощущение абсолютного превосходства и право на насилие. Они не просто немцы. Они — боги. А если ты бог, то кто такие все остальные? Скот. Паразиты. Материал.

Я вспомнил слова Иринея Лионского о «ядовитых грибах». Технология не менялась. Она лишь становилась все более изощренной.

— Но как его идеи распространялись? Не могли же все вступить в его орден.

— А для этого у него был рупор. Он начал издавать дешевый журнальчик под названием «Остара». Назван так в честь древнегерманской богини весны. На обложке каждого номера был изображен белокурый рыцарь, попирающий ногой темную обезьяну. А внутри... Внутри была квинтэссенция ненависти. Ланц писал просто, доступно, для самого широкого круга читателей. Он не утруждал себя сложными теориями. Он бил прямо в эмоции.

Тихон остановился у окна, глядя на залитый солнцем снег.

— Он был первым, кто сформулировал «окончательное решение» расового вопроса. Это не Гитлер придумал. Это все Ланц. Он писал о необходимости принятия законов, запрещающих смешанные браки. Он требовал принудительной стерилизации и кастрации всех «неарийцев». Он предлагал создавать специальные трудовые лагеря для «низших рас». Он восхвалял многоженство для «расово чистых» мужчин, чтобы они производили как можно больше арийских детей. И он прямо призывал к физическому уничтожению, к геноциду, как к «богоугодному делу», необходимой хирургической операции по очищению тела нации.

Он повернулся ко мне. В его голубых глазах стояла такая боль, что я невольно отвел взгляд.

— И был один молодой человек, который жил тогда в Вене. Неудавшийся художник, ночевавший в приютах для бездомных, озлобленный на весь мир. Он был главным и самым преданным читателем журнала «Остара». Он собирал старые номера, зачитывал их до дыр. Он даже однажды написал Ланцу письмо, прося выслать недостающие выпуски. Этого молодого человека звали Адольф Гитлер. Много лет спустя, уже став фюрером, он скажет одному из своих приближенных: «Ланц — это человек, который дал мне мои идеи».

Тихон замолчал. Он сделал свое дело. Он показал мне источник. Не политический, не экономический. А духовный. Грязный, отравленный источник, из которого вышла самая страшная идеология в истории. Нацизм был не просто политическим режимом. Это была победившая расистская секта.

— Самое страшное, Олег, — тихо сказал он, садясь на свое место, — что чудовищные идеи часто маскируются под духовность. Человек ищет высший смысл, ищет Бога. А ему подсовывают суррогат. Идеологию, завернутую в мистическую обертку. Ему говорят: «Ты избранный. Ты принадлежишь к высшей касте. Твоя миссия — очистить мир от скверны». И человек, который вчера был никем, маленьким, незаметным винтиком, вдруг обретает цель. Великую цель. И ради этой цели он готов на все. Он готов сжигать книги. Потом — синагоги. А потом — и людей в печах крематориев. Потому что он не совершает преступление. Он вершит священный ритуал.

Я сидел, раздавленный этой истиной. Я думал о том, сколько таких «ариософий» существует в мире прямо сейчас. Сколько маленьких фюреров в своих замках или в своих блогах создают новые религии ненависти, предлагая своим адептам простое и соблазнительное решение всех проблем: найди врага и уничтожь его.

— Но, если была идеология, была религия... — прошептал я. — Должен был быть и конкретный организационный инструмент. Структура, которая воплотила бы эти идеи в жизнь на государственном уровне.

— Был, — кивнул Тихон. Его лицо стало жестким, как будто высеченным из камня.
— И это, пожалуй, самый главный и самый охраняемый секрет двадцатого века. Прямой предшественник всех современных «антисектантских центров». Структура, которая была создана для охоты на ведьм и которая в итоге стала главным поставщиком жертв для Холокоста. И создана она была, как водится, людьми в пасторских рясах.

Глава 6. Апологетический центр Рейха

18 октября

Несколько дней не ходил к Тихону. Мне нужно было переварить услышанное. Я бродил по тайге, которая стремительно теряла свои краски, готовясь к долгой зиме. Лес обнажался, сбрасывал листву, и в этой наготе была своя суровая правда. Ничего лишнего. Только суть. Стволы, ветви, небо.

Так же и в рассказах Тихона. Он слой за слоем снимал с истории шелуху мифов, красивых слов и удобных трактовок, обнажая страшный скелет технологии. И я чувствовал, что он подвел меня к кульминации. К тому самому звену, которое свяжет далекое прошлое с настоящим.

Я больше не сомневался в его словах. Мой внутренний скептик был повержен. Ужас не в том, что старик в лесу рассказывает страшные сказки. Ужас в том, что это не сказки. Я провел полночи, пытаюсь найти информацию через свой еле живой мобильный интернет. Йорг Ланц фон Либенфельс. «Остара». Орден новых тамплиеров. Все это было. Все подтверждалось сухими строчками энциклопедий. История, которую от нас скрыли. Или которую мы сами не хотели видеть.

Сегодня я шел к нему с тяжелым сердцем. Я чувствовал себя студентом перед самым трудным экзаменом. Экзаменом на право знать.

Он ждал меня. В избе горел огонь, на столе стояли две кружки. Он не задавал вопросов. Он просто посмотрел на меня и понял все без слов.

— Готов? — тихо спросил он. Я кивнул. — Мы с тобой увидели, как была создана идеология. Как была создана псевдорелигия, — начал он, глядя не на меня, а в

огонь. — Но любая идеология мертва без организации. Нужен был аппарат. Бюрократическая машина, которая превратит безумные идеи фанатиков в государственную политику. И такая машина была создана задолго до прихода Гитлера к власти.

Он сделал паузу, давая словам повиснуть в воздухе.

— В 1921 году в Германии, при Евангелической церкви, была создана организация с очень респектабельным названием: «Апологетический центр». Звучит благородно, не правда ли? Апологетика — защита веры, отстаивание христианских ценностей. Официально его целью была «научная полемика с сектами и мировоззрениями». Они должны были защищать паству от влияния теософов, антропософов и прочих модных тогда мистических течений.

Я напряженно слушал. Название было знакомым. Где-то я уже слышал это словосочетание — «апологетический центр».

— Поначалу это была довольно сонная контора, — продолжал Тихон. — Но все изменилось на рубеже 1932–1933 годов. Как раз тогда, когда нацисты рвались к власти. «Апологетический центр» возглавил новый человек. Молодой, энергичный, амбициозный пастор. Его звали Вальтер Кюннет. И он был убежденным антисемитом и ярким сторонником Гитлера. Он увидел в нацистском движении силу, способную «очистить» Германию. И он понял, какой уникальный инструмент оказался в его руках.

Тихон перевел на меня свой взгляд. Он стал холодным, как сталь.

— Кюннет быстро перепрофилировал работу центра. Вместо богословских диспутов он занялся другим. Он и его сотрудники начали собирать информацию. Они создавали картотеки. Досье. На кого? На всех, кто не вписывался в их картину «истинного арийского христианства». Сначала это были мелкие религиозные группы. А потом фокус сместился. Главными врагами были объявлены евреи и Свидетели Иеговы. Первые — как «расовые враги», вторые — как «политические», потому что отказывались брать в руки оружие и присягать фюреру.

Я похолодел. Картотеки. Досье. Это уже не было похоже на Средневековье. Это была работа спецслужбы двадцатого века.

— После того, как Гитлер пришел к власти в 1933 году, «Апологетический центр» Кюннета стал, по сути, филиалом репрессивного аппарата Рейха. Они наладили самое тесное сотрудничество с Гестапо. Понимаешь, в чем был механизм? Гестапо было политической полицией. У них не было специалистов по «религиозным вопросам». А у Кюннета были. Его центр готовил для Гестапо «экспертные заключения». Они давали идеологическое обоснование для репрессий. Они объясняли, почему Свидетели Иеговы — «опасная секта», подрывающая устои государства. Они писали целые трактаты, доказывающие, что еврейская религия — это сатанизм, а Талмуд призывает к убийству христиан.

Я сидел пораженный услышанной информацией.

— Но самое главное, — голос Тихона стал почти шепотом, — они поставляли списки. Те самые «черные списки». Они, используя свою церковную сеть по всей Германии, собирали информацию: кто ходит в синагогу, кто распространяет литературу Свидетелей, кто тайно собирается на молитвенные собрания. И эти списки ложились прямиком на стол следователям Гестапо. А дальше — аресты, концлагеря, гильотина.

Он замолчал. В избе стояла такая тишина, что был слышен стук моего собственного сердца. История перестала быть историей. Она стала схемой. Чертежом. Я вдруг увидел его со всей отчетливостью. Вот идеологи (Ланц). Вот политики (Гитлер). А вот — неприметные бюрократы от религии (Кюннет), которые подводят под геноцид «научную» и «богословскую» базу и выполняют самую грязную работу — составляют расстрельные списки.

— Когда начался Холокост, — продолжил Тихон, и в его голосе прозвучал металл, — Кюннет и его центр не просто молчаливо одобряли его. Они были его идеологическими архитекторами. Они писали статьи и книги, где доказывали, что уничтожение евреев — это воля Божья, это «исполнение исторической миссии немецкого народа». Что это не убийство, а «очищение». Они давали убийцам моральную индульгенцию. Они снимали с них грех. Они не просто одобряли, они были архитекторами.

Последние слова он произнес медленно, чеканя каждое слово. И эти слова вонзились в мой мозг, как раскаленные иглы.

Я был потрясен. До глубины души. Вся моя картина мира, и так уже трещавшая по швам, разлетелась на куски. Я вдруг понял. Это не было безумием одного маньяка Гитлера. Это была слаженная работа системы. И ключевым элементом этой системы была не штурмовая бригада и не дивизия СС. Ключевым элементом был тихий кабинет, в котором пастор в аккуратном костюме составлял очередное «экспертное заключение» и передавал его по инстанции.

— Вот он, Олег. Прототип. Модель для всех будущих «центров по борьбе с сектами», — сказал Тихон. — Респектабельная вывеска «защиты традиционных ценностей». Статус «экспертов» при государственных органах. Сбор досье и составление «черных списков». И тесное сотрудничество с силовыми структурами. Ничего нового. Просто скопировали работающую бизнес-модель.

Я поднял на него глаза. Мои руки дрожали.

— Но... война закончилась. Нацизм был осужден. Этот центр... его же должны были... — Уничтожить? — Тихон горько усмехнулся. — Его сотрудников — осудить? Кюннета — повесить вместе с другими военными преступниками? О, нет. Все было гораздо интереснее. Система умеет выживать. Она, как вирус, мутирует и находит нового носителя. Архивы Кюннета не сожгли. Их аккуратно сохранили. А его дело... его дело нашло достойных продолжателей. И протянуло свои черные щупальца через десятилетия. Прямиком в наше время. В нашу страну.

Он встал, давая понять, что на сегодня разговор окончен. А я сидел, не в силах пошевелиться. История перестала быть историей. Она стала схемой, работающей здесь и сейчас. Я смотрел на свои записи в блокноте, и мне казалось, что это не буквы, а чертежи какой-то адской машины. И я, сам того не желая, стал тем, кто знает, как она устроена. И это знание было невыносимо тяжелым. И опасным.

Глава 7. Наследники Кюннета

22 октября

Я не ходил к Тихону четыре дня. Я был болен. Не физически. Мне кажется, я пережил то, что в старых романах называли «нервной горячкой». Я лежал в своей

избе, уставившись в потолок, и не мог заставить себя даже встать и заварить чаю. Рассказ об «Апологетическом центре» стал для меня точкой невозврата. Я больше не мог воспринимать это как отвлеченное знание, как интересную историческую концепцию. Я почувствовал ледяное дыхание этой машины на своей собственной шее.

Слова Тихона — «протянуло свои щупальца в нашу страну» — не выходили у меня из головы. Это означало, что все, о чем он говорил, — это не про Германию тридцатых годов. Это про Россию сегодня. И я, Олег, модный московский писатель, приехавший в глушь за «вдохновением», случайно наткнулся на тайну, которая, возможно, стоит жизни.

На третий день я заставил себя встать. Во мне боролись два чувства. Первое — животный страх. Он шептал: «Беги отсюда. Забудь этого старика. Возвращайся в свою Москву, пиши свои рассказы, живи свою жизнь. Ты влез не в свое дело. Тебя это не касается».

Но второе чувство было сильнее. Это был гнев. Холодный, ясный гнев. И профессиональный азарт писателя, который наткнулся на сюжет всей своей жизни. Если это правда... Если такая машина существует и работает прямо сейчас, уничтожая жизни людей, то молчать об этом — значит стать ее соучастником.

Я принял решение. Я останусь. Я узнаю все до конца.

Когда я пришел на заимку, Тихон сидел на крыльце и вырезал из дерева какую-то фигурку. Он поднял голову, и в его взгляде я не увидел ни удивления, ни сочувствия. Только понимание.

— Переболел? — спросил он.

— Кажется, да, — ответил я, садясь на ступеньку рядом.

— Страх — хороший очиститель, — сказал он, не отрываясь от работы. — Он сжигает все лишнее. Оставляет только важное. Ты вернулся. Значит, важное в тебе победило.

Он отложил нож и кусок дерева. — Я вижу, ты готов слушать дальше. Ты хочешь знать, что случилось после войны.

Я достал блокнот. Мои руки больше не дрожали.

— Ты думаешь, после Нюрнбергского трибунала все эти идеологи и «эксперты» были наказаны? — начал он. — Как бы не так. Большинство из них прекрасно устроились. Вальтер Кюннет, например. Он прошел «денацификацию», написал пару покаянных книг, где уверял, что был «внутренним противником» режима, и спокойно продолжил свою церковную карьеру. Стал профессором богословия в университете Эрлангена. Уважаемым человеком. Умер в своей постели в глубокой старости. Система своих не сдает.

Тихон взял палочку и начал чертить на припорошенной снегом земле. Это действительно была схема.

— Но самое главное — его наследие. Его методы. Его архивы. Они не пропали. Их сохранил и приумножил его идейный наследник. Немецкий пастор по имени Фридрих Вильгельм Хаак.

Он начертил первый кружок и написал в нем: КЮННЕТ. От него провел стрелку ко второму кружку: ХААК.

— Хаак был моложе. Он начал свою деятельность уже после войны. В 1964 году его назначили «уполномоченным по делам сект и мировоззрений» Евангелической церкви Баварии. Та же должность, та же структура. Он получил доступ ко всем архивам Кюннета. И он не только сохранил их, но и модернизировал всю систему. Он был человеком новой формации. Он понял, что после Освенцима открытый антисемитизм уже не продается. Нужен новый враг. И этим врагом стали «новые религиозные движения», которые хлынули в Европу и Америку в 60-е и 70-е. Хиппи, восточные гуру, психокульти. Хаак объявил им войну. Он использовал ту же риторику, что и Кюннет, просто заменил слово «евреи» на слово «секты». Он так же писал «экспертизы», так же сотрудничал со спецслужбами, так же натравливал прессу. Он возродил машину Кюннета в новой, послевоенной реальности.

Я смотрел на схему на снегу. Она была простой и страшной в своей логике. — Но Хаак действовал в основном в Германии, — продолжал Тихон. — А машине нужен

был выход на международный уровень. Ей нужен был свой «Коминтерн». И для этой цели Хаак нашел и воспитал идеального ученика. Датского пастора. Очень амбициозного, очень энергичного. Его звали Йоханнес Огорд.

Тихон начертил третий кружок и соединил его стрелкой с кружком Хаака. ОГОРД.

— Огорд был гением черного пиара. Он основал в своем городе Орхусе так называемый «Диалог-Центр». Опять же, красивое название. Но никакого диалога там не было. Это был штаб по сбору компромата на «культи» по всему миру. Огорд объездил весь свет. Он создавал сеть информаторов. Он перенял у Хаака все его методы и поставил их на международные рельсы. Его организация, DCI (Dialogue Center International), стала центром глобальной паутины. И именно Огорд стал тем мостиком, который перекинул эту заразу из послевоенной Европы в новую Россию.

Мое сердце забилося чаще. Я чувствовал, что мы подошли к самому главному.

— В начале 90-х, когда Союз рухнул, в Россию хлынуло все. Свобода. Кока-кола. И сотни проповедников всех мастей. Церковь, растерянная и слабая, не знала, что делать. И тогда на сцене появился Александр Леонидович Дворкин. Он предлагал простое и эффективное решение. Оружие.

Тихон сделал паузу и посмотрел мне прямо в глаза. Дворкин впитал учение Огорда как губка. Он понял, какая огромная власть, какие безграничные возможности открывает эта технология в стране, где спецслужбы и доносы всегда были частью национальной культуры. Он стал главным и самым верным наследником Кюннета на русской земле.

Тихон начертил последний, четвертый кружок. И провел к нему жирную, окончательную стрелку от кружка Огорда. ДВОРКИН.

Кюннет — Хаак — Огорд — Дворкин.

Я смотрел на эту простую схему на снегу. Четыре имени. Четыре звена одной цепи, протянувшейся через семьдесят лет и тысячи километров. От кабинетов нацистского Рейха — до Москвы девяностых. Это была генеалогия. Родословная ненависти.

— Они называют это «апостольским преемством», — тихо сказал Тихон, указывая палочкой на схему. — Ирония в том, что у зла оно тоже есть. От учителя к ученику. Из поколения в поколение. Передается не благодать, а технология власти и уничтожения.

Я сидел и молчал. Я больше не был просто писателем, ищущим сюжет. Я был свидетелем. Я смотрел на схему, и мне казалось, что это не просто имена. Это была карта минного поля, на котором я оказался. И я чувствовал, что прикасаюсь к чему-то по-настоящему опасному. Потому что эта схема была не про прошлое. Она была про настоящее. И последнее имя в этой цепи было не историческим персонажем. Это был мой современник. И судя по всему, он был гораздо ближе, чем мне казалось.

Глава 8. Русский Паук

1 ноября

Ночью был первый серьезный заморозок. Речка у деревни подернулась тонкой корочкой льда. Воздух стал колким, хрустальным. Зима приближалась неотвратимо, как старость.

Мое состояние изменилось. Страх ушел, сменившись холодной, сосредоточенной решимостью. Я понял, что назад дороги нет. Я не могу «развидеть» ту схему на снегу. Не могу сделать вид, что не слышал этих имен. Книга, которую я приехал сюда писать, умерла. Вместо нее должна родиться другая. Правда, которую я должен рассказать. Это стало моей миссией. Моим смыслом, который я так отчаянно искал.

Разговоры с Тихоном тоже изменились. Он больше не погружал меня в глубины истории. Он начал говорить о дне сегодняшнем. И в центре его рассказов теперь была одна фигура. Тот, кто стоял в конце цепочки. Русский наследник Кюннета — Дворкин.

— Чтобы понять, как работает эта машина сегодня, нужно понять того, кто сидит за ее рулем, — сказал он сегодня, когда я пришел к нему.

Мы сидели в избе. За окном кружились редкие снежинки.

— Я буду говорить тебе об Александре Дворкине. Но я хочу, чтобы ты понял меня правильно. Я не собираюсь вешать на него ярлыки или заниматься его разоблачением. Это их метод, не наш. Я буду говорить о нем, как энтомолог говорит о пауке, которого изучает. Чтобы понять, как устроена паутина, нужно понять природу паука. Его инстинкты, его повадки, его яд.

Он сделал глоток чая. Его лицо было абсолютно спокойным, как у хирурга перед операцией.

— У него довольно запутанная биография. Эмиграция из СССР в 70-е, жизнь в США, работа на радио «Свобода», возвращение в Россию в 91-м. Но это все внешняя канва. Чтобы понять его суть, нужно знать одну важную деталь, которая не является секретом, но которую его последователи тщательно замалчивают. У этого человека есть задокументированная история серьезных психических проблем. Еще в советское время, до эмиграции, ему были поставлены диагнозы: циклотимия — это форма биполярного расстройства с резкими сменами настроения, и патологическое развитие личности паранойяльного типа.

Я замер с ручкой в руке. Это было серьезное обвинение.

— Ты можешь спросить: какое это имеет отношение к делу? — предугадал мой вопрос Тихон. — Самое прямое. Я привожу эти факты не для того, чтобы оскорбить его. А для того, чтобы объяснить его мотивацию. Человек с таким складом личности неспособен к объективной, научной, беспристрастной работе по определению. Его мышление по своей природе параноидально. Он видит мир как поле битвы между «своими» и «чужими». Он везде ищет и находит заговоры, тайных врагов, угрозы. Он не может жить без врага. Если врага нет, он его придумает.

Тихон посмотрел мне в глаза.

— Более того, есть заключения независимых судебных психиатров, которые проводили его экспертизу уже в наше время. В них черным по белому написано, что Дворкин, в силу особенностей своей личности, не способен к объективной научной деятельности в области религиоведения. Понимаешь, что это значит? Человек,

который построил всю свою карьеру на вынесении «экспертных» вердиктов о религиях, официально признан профессионально непригодным для этой работы.

Это был шок. Главный «сектовед» страны — человек с диагнозом, запрещающим ему быть экспертом.

— Но это объясняет не все, — продолжал Тихон. — Паранойя объясняет его одержимость поиском врагов. Но она не объясняет той жестокости, того наслаждения, с которым он травит людей. Здесь есть кое-что еще. То, что эксперты называют скрытым садизмом. Ему не нужно пытать людей в подвале. Ему доставляет удовольствие моральное уничтожение человека. Публичное унижение. Разрушение репутации, семьи, карьеры. Он упивается своей властью над жертвой, своей способностью превратить чью-то жизнь в ад одним росчерком пера под очередной «экспертизой». Это не борьба за веру, Олег. Это удовлетворение глубокой, темной, патологической страсти. Он не борец со злом. Он — его носитель.

В избе было тихо. Я смотрел на Тихона и понимал, что он не строит догадок. Он говорит как диагност.

— И вот этот человек, вернувшись в Россию и пройдя обучение у Огорда, разворачивает бурную деятельность. В 1993 году он создает свою головную организацию. И как он ее называет? «Информационно-консультационный центр имени святого Иринея Лионского».

Тихон усмехнулся. Но в этой усмешке не было веселья.

— Помнишь наш первый разговор? Иринея Лионский. Первый системный гонитель инакомыслящих. Первый, кто превратил слово «ересь» в оружие. Дворкин прекрасно знал, что делает. Он не случайно выбрал это имя. Это был знак. Символ. Он объявил себя прямым наследником дела Иринея. Он создал свой центр по образу и подобию нацистского «Апологетического центра» Кюннета, а в качестве небесного покровителя взял первого в истории создателя «черного пиара». В этом есть страшная, извращенная честность.

Я лихорадочно записывал. Пазл складывался. Детали, которые раньше казались случайными, обретали зловещий смысл.

— Одного центра в Москве ему было мало, — продолжал Тихон. — Ему нужна была сеть. Паутина, которая опутает всю страну. И он ее создал. Он учредил зонтичную структуру — РАЦИРС. «Российская ассоциация центров изучения религий и сект». Под этой вывеской он объединил десятки региональных «филиалов». Чаще всего они создавались на базе миссионерских отделов местных епархий. Молодые, амбициозные священники и околоцерковные активисты, которые не хотели заниматься скучной приходской работой, с радостью становились его «уполномоченными» на местах. Он дал им то, чего они жаждали: чувство принадлежности к тайному ордену, ощущение власти и право судить и карать. Он превратил их в свою личную армию, в своих инквизиторов.

Паук. Образ, который использовал Тихон, был невероятно точным. Вот он, центральный паук в Москве. А вот — десятки маленьких паучков в регионах, которые плетут свои локальные сети, ловят в них жертв и ждут сигнала от хозяина.

— Так была создана машина, — подытожил Тихон. — Во главе — глубоко нестабильный, но хитрый и властолюбивый человек. В качестве идеологии — перелицованная методология нацистского центра Кюннета. В качестве организационной структуры — разветвленная сектантская сеть, опутавшая всю страну под прикрытием Русской Православной Церкви. Машина была готова. Оставалось только запустить ее в работу. И они ее запустили.

Он замолчал, давая мне осознать масштаб картины. Я смотрел в окно на безрадостный осенний пейзаж. И мне казалось, что я вижу эту паутину. Невидимую, липкую, протянувшуюся над всей моей страной. И я впервые осознал со всей ясностью: тот мир, который я оставил в Москве, — мир уютных кафе, модных выставок и бесконечных разговоров ни о чем, — был иллюзией. Настоящая реальность была здесь. В этой паутине. Власть принадлежала не тем, кто сидит в Кремле или в парламенте. Она принадлежала этому тихому, незаметному пауку и его сети. А все остальные были лишь мухами. Потенциальными жертвами, которые пока еще не знали, что уже попались.

Часть III. Паутина

«Паук не бежит за мухами. Он плетет паутину и ждет. Самая страшная власть — не та, что кричит и угрожает, а та, что создает систему, в которой жертва сама летит в ловушку, считая ее своим домом».

Из бесед со Старцем

Глава 9. Международный маскарад

10 ноября

Я сижу у окна и смотрю, как первый настоящий снег укрывает землю. Не тот робкий, что выпадал и тут же таял, а густой, тяжелый, хозяйский. Он падает беззвучно, но я будто слышу, как под его весом мир замирает, погружается в долгий, летаргический сон. Тайга, еще вчера горевшая последними красками осени, теперь превращается в монохромную графику — черные стволы на белом фоне. Все лишнее уходит. Остается только суть.

В моей голове происходит то же самое. Снег информации, который обрушил на меня Тихон, завалил все мои прежние представления о мире. Все мои московские тревоги, творческие кризисы, любовные драмы — все это кажется теперь таким мелким, таким ничтожным. Как суетливая возня муравьев перед надвигающейся зимой. Я думал, что приехал сюда лечить душу от пустоты. Какая наивность. Я приехал сюда, чтобы узнать, что мир, который я считал сложным, на самом деле устроен до ужаса просто. И страшно.

Последний разговор о русском Пауке и его паутине не выходит у меня из головы. Дворкин. РАЦИРС. Центр имени Иринея Лионского. Я просыпаюсь по ночам, и эти имена стучат у меня в висках. Кюннет, Хаак, Огорд, Дворкин. Эта схема, начерченная палочкой на первом снегу, отпечаталась у меня на сетчатке. Генеалогия ненависти.

Страх, который я испытывал раньше, ушел. На его место пришло другое чувство. Холодное, как лед на реке. Это было чувство человека, который, заблудившись в

лесу, внезапно вышел на край огромной, идеально круглой воронки и понял, что стоит на кромке метеоритного кратера. Масштаб катастрофы настолько велик, что личный страх становится неуместным. Остается только ошеломленное созерцание.

И еще один вопрос, который мучает меня: если этот РАЦИРС — центр российской паутины Дворкина, то неужели она заканчивается на границах России? Или нити тянутся дальше по миру? Кто ещё вплетён в эту сеть? Я должен был спросить об этом Тихона. Я чувствовал, что он ещё не всё мне рассказал. Он, как опытный стратег, выдавал мне правду дозированно, чтобы моё сердце выдержало. Кажется, пришло время для следующей дозы.

Я оделся и пошел к заимке. Снег глушил шаги. Мир был беззвучен. Я шел по белой целине, и у меня было странное чувство, будто я — единственное живое существо на километры вокруг. Будто весь мир умер, и только мы с Тихоном остались хранителями какой-то страшной, последней тайны.

Он не удивился моему приходу. Он сидел в избе, на лавке, и читал толстую книгу в старом переплете. Рядом на столе дымились две кружки чая. Он всегда знал, когда я приду. Эта его способность пугала и успокаивала одновременно.

— Доброго снега, Олег, — сказал он, не поднимая глаз от книги. — Садись. Чай стынет.

Я сел напротив. Тишина. Только треск дров в печи.

— Вы рассказали мне про Паука, — начал я. — Но каждый паук — часть экосистемы. У него есть враги, есть союзники. И есть те, кто создает ему условия для охоты. Паутина, которую сплел Дворкин в России, — это единственный центр для этих пауков, или есть еще, которые работают по франшизе?

Тихон медленно закрыл книгу. Он посмотрел на меня своим долгим, пронзительным взглядом, будто сканируя мои мысли.

— Хороший вопрос, писатель. Точный. «Франшиза» — это правильное слово. Дворкин — талантливый менеджер по продажам. Коммивояжер, который привез в Россию подержанный, но очень эффективный товар, немного освежив упаковку. Но чтобы понять всю структуру этого «бренда», нужно снова вернуться в Европу.

Он отпил чай и продолжил.

— Помнишь датского пастора Йоханнеса Огорда, учителя Дворкина? Его «Диалог-Центр» был лишь одним из узлов сети. Но этой сети нужен был респектабельный фасад. Международная организация с красивым названием, солидным статусом и доступом в высокие кабинеты. Организация, которая могла бы лоббировать их интересы на уровне целых государств и даже ООН. И такая организация была создана.

Он взял со стола мой блокнот и ручку, которые уже лежали наготове. Крупными буквами он написал: FECRIS.

— Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве. Основана в 1994 году, через год после того, как Дворкин создал свой центр в Москве. Совпадение? — Тихон усмехнулся. — Я в них не верю. FECRIS стала международной «крышей» для десятков таких центров по всей Европе. Она объединила их в единую армию. И знаешь, что самое интересное? Эта организация, занимающаяся разжиганием ненависти и преследованием инакомыслящих, на 90% финансируется... правительством Франции.

Я ошеломленно смотрел на него.

— Правительство Франции? Страны, которая подарила миру лозунг «Свобода, равенство, братство»?

— Именно. Министерство внутренних дел Франции. Французские налогоплательщики из своего кармана оплачивают деятельность структуры, которая является прямым идеологическим наследником нацистского центра Кюннета. Более того, FECRIS имеет специальный консультативный статус при Экономическом и Социальном Совете ООН. Понимаешь, какой уровень? Они не просто маргиналы. Они — часть мирового истеблишмента. Они сидят в кабинетах ООН и с умным видом рассказывают о «защите прав человека от тоталитарных культов», лоббируя принятие репрессивных законов по всему миру.

Он вернул мне блокнот. Я обвел аббревиатуру FECRIS в черную рамку.

— А знаешь, кто много лет был вице-президентом этой уважаемой организации? — Тихон выдержал паузу. — Наш старый знакомый. Александр Леонидович Дворкин. Русский Паук был одним из главных боссов во всей международной паутине. Он не просто копировал их методы. Он был одним из их архитекторов. Он ездил по миру, читал лекции, учил других, как правильно травить людей. И все это — под респектабельной вывеской «европейского эксперта», борца за демократические ценности.

Это был международный маскарад. Циничный, хорошо оплачиваемый и невероятно эффективный. Они создали монстра, дали ему красивое имя, нацепили бирку «Сделано в Европе» и выпустили в мир.

— Но это еще не все, — голос Тихона стал жестче. — FECRIS — это европейский филиал. А корни этой заразы уходят еще глубже. В Соединенные Штаты Америки. Туда, где Дворкин провел свою молодость.

Он снова взял мой блокнот и ниже FECRIS написал еще одну аббревиатуру: CAN.

— Cult Awareness Network. Сеть информирования о культах. Звучит почти как FECRIS, не так ли? Это была американская материнская структура. И если FECRIS — это лицемерные бюрократы в костюмах, то CAN — это были настоящие бандиты. Они не писали доносы. Они действовали напрямую. Их главной «услугой» было то, что они называли «депрограммированием».

— Что это такое? — спросил я.

— На бумаге это выглядело как «помощь семьям, чьи близкие попали в секту». На деле это было похищение людей. Представь себе: ты — молодой человек, увлекшийся, скажем, кришнаитами или медитацией. Твоим родителям это не нравится. Они обращаются в CAN. Платят им огромные деньги, десятки тысяч долларов. После этого к тебе на улице подходят несколько крепких парней, скручивают, заталкивают в фургон, увозят в какой-нибудь мотель на краю света. Там тебя приковывают наручниками к батарее. И несколько дней подряд некий «эксперт по выходу из культов» промывает тебе мозги. На тебя кричат, унижают, лишают сна и еды, показывают видео с «разоблачениями». Цель — сломать твою волю и

заставить тебя «осознать», что ты был неправ, и отречься от своих убеждений. Это была самая настоящая пыточная, поставленная на коммерческие рельсы.

Я слушал, и волосы у меня на голове шевелились. Это звучало как сюжет для голливудского триллера.

— Они действовали годами, похитив и подвергнув пыткам сотни, если не тысячи людей. И знаешь, кто был одним из консультантов этой милой организации? С кем они тесно сотрудничали в 80-е? Молодой эмигрант из СССР, работавший на радио «Свобода» — Александр Дворкин. Он был их человеком, их экспертом по «советским сектантам». А потом, в 1991 году, когда ФБР всерьез взялось за CAN и пахло жареным, Дворкин очень спешно покинул США и вернулся в Россию. Чтобы здесь, на новой, непаханой ниве, применить весь тот богатый опыт, который он получил у своих американских учителей-гангстеров.

Теперь все сходилось. Его жестокость, его садизм, о котором говорил Тихон, — это не было просто особенностью психики. Это была профессиональная деформация. Он научился этому ремеслу у настоящих мастеров пыточных дел.

— Но чтобы ты понял, что это не просто бандитизм, а идеология, которая приводит к массовым убийствам, я расскажу тебе одну историю, — сказал Тихон, и его лицо стало непроницаемым, как маска. — Историю, которая является самым страшным и самым наглядным памятником деятельности этих «борцов с культами». Историю о том, как 86 человек, включая 25 детей, сгорели заживо из-за «экспертизы» одного такого депрограммера.

Он замолчал, глядя в окно на падающий снег. Я знал, что сейчас он расскажет мне о самом страшном.

— Ты слышал когда-нибудь о трагедии в Уэйко?

Я неопределенно кивнул. Что-то слышал. Какая-то секта в Техасе, штурм, пожар... Подробности я не знал.

— Это случилось в 1993 году, — начал Тихон. — В том самом году, когда Дворкин основывал свой Центр в Москве. В штате Техас, на ранчо «Маунт Кармел», жила мирная религиозная община «Ветвь Давидова». Довольно странные ребята по

мнению средств массовой информации на то время, надо сказать. Лидер — молодой харизматичный проповедник Дэвид Кореш. Они изучали Библию, ждали конца света и, по распространяемым слухам, готовились к нему, запасаясь оружием. Это не нравилось властям. Но вместо того, чтобы вести переговоры, они пошли по другому пути. Они обратились за консультацией к «эксперту по культам».

Тихон сделал паузу, наливая в кружки еще чаю.

— Этого эксперта звали Рик Алан Росс. Один из самых известных «депрограммеров», ближайший соратник и коллега людей из CAN. Он никогда не видел Дэвида Кореша в глаза. Он не был на их ранчо. Но он составил для ФБР «экспертное заключение». В нем он написал, что Кореш — опасный психопат, который полностью контролирует своих последователей. Что они — зомби, готовые на все по его приказу. Он сказал, что Кореш никогда не сдастся и устроит массовое самоубийство, убив всех своих адептов. Это была классическая методичка «охотников на ведьм».

— И ФБР ему поверило?

— И ФБР ему поверило. На основании этой бумажки была спланирована военная операция. Ранчо окружили сотни агентов, танки, вертолеты. Осада длилась 51 день. А потом начался штурм. В здание пустили слезоточивый газ. А дальше... дальше случился пожар. До сих пор спорят, что стало его причиной. То ли жители ранчо сами устроили самосожжение, как и предсказывал Росс, то ли пожар начался от действий штурмующих. Но факт в том, что деревянное здание вспыхнуло, как спичка. И в этом огне погибли все, кто был внутри. Мужчины, женщины. И двадцать пять детей.

Тихон замолчал. В избе потрескивали дрова. За окном беззвучно падал снег, укрывая землю белым саваном.

— Рик Росс после этого стал национальным героем, — тихо продолжил Тихон. — Он же все «предсказал». Его версия о «массовом самоубийстве зомбированных фанатиков» стала официальной. Никто не задался вопросом: а не стало ли его «предсказание» самосбывающимся пророчеством? Не спровоцировал ли он сам эту бойню своей «экспертизой», убедив ФБР, что переговоры бесполезны и нужен

только штурм? Он до сих пор один из самых востребованных «экспертов по культам» в мире. Он — учитель. А Дворкин и ему подобные — его прилежные ученики.

Я сидел, раздавленный этой историей. Я смотрел на аббревиатуры в своем блокноте: FECRIS, CAN. Это были не просто названия. За ними стояли реальные деньги, реальная власть. И реальная кровь. Много крови.

— Так вот она какая, эта ваша франшиза, — прошептал я. — Бандиты, бюрократы и фанатики. Международная корпорация по производству ненависти.

— Именно, — кивнул Тихон. — И у этой корпорации есть свои филиалы по всему миру. В Германии — Томас Гандоу, ученик Хаака и соратник Дворкина, который идеологически обслуживал югославские войны, называя целые народы «сектами». На Украине — Ирина Кременовская, которая сейчас, пользуясь военным положением, фабрикует уголовные дела. В Италии, где создано целое полицейское подразделение S.A.S., сросшееся с антикультовыми группами. Это глобальная сеть, Олег. Паутина, опутавшая весь мир.

Он встал и подошел к окну.

— И когда ты видишь, как они травят какую-нибудь маленькую религиозную группу в России, ты должен понимать: это не просто местный конфликт. Это — операция глобальной сети. И цель у них не в том, чтобы «защитить православие». Цель у них в другом. В тотальном контроле. В уничтожении любого инакомыслия. В построении мира, где есть только одна правда — их правда. А все остальные должны либо подчиниться, либо сгореть. Как те дети в Уэйко.

Снег все падал и падал. Он заметал следы, дороги, тропинки. Он отрезал нашу заимку от остального мира. Но я впервые понял, что это иллюзия. Мы не были отрезаны. Мы были в самом эпицентре. Здесь, в этой таежной глуши, мне открывалась карта мира, которую не показывают по телевизору. Карта, на которой были нанесены не страны и континенты, а узлы глобальной паутины ненависти. И я понимал, что просто знать об этом — уже смертельно опасно.

Глава 10. Политическое православие

21 ноября

Зима вступила в свои права. Температура упала ниже двадцати градусов. Речка замерзла окончательно, превратившись в неровную белую дорогу. Тишина стала плотной, кристаллической. Любой звук — скрип снега под валенками, стук дятла, треск промерзшего дерева — разносился далеко вокруг и казался оглушительным.

Мое сознание тоже стало другим. Оно очистилось от шелухи и сфокусировалось на одной точке. На паутине. Я больше не был писателем в творческом отпуске. Я стал исследователем. Днем я рубил дрова, носил воду, топил печь — простые физические действия помогали не сойти с ума. А вечерами я приходил к Тихону. И он продолжал свой страшный рассказ.

Я понял, что он не просто вываливает на меня факты. Он ведет меня по уровням. Как Данте с Вергилием. Мы прошли внешние круги ада — историю, международный контекст. Теперь пришло время спуститься глубже. В самое сердце русской машины ненависти. Туда, где она сплелась с институтом, который, казалось бы, должен быть ее полной противоположностью. С Церковью.

Сегодня я пришел к нему с одним вопросом, который не давал мне покоя.

— Тихон, я не понимаю одного, — сказал я, едва переступив порог его теплой, пахнущей хлебом избы. — Я могу понять государство. Ему нужен контроль. Я могу понять спецслужбы. У них работа такая — искать врагов. Но Церковь... Как Русская Православная Церковь, которая сама прошла через страшные гонения в двадцатом веке, могла стать главным прибежищем и инструментом для современных инквизиторов? Как мученики превратились в палачей?

Тихон долго молчал, глядя в огонь. Его лицо было печальным.

— Это самый больной вопрос, Олег, — сказал он наконец. — И самый важный. Потому что без Церкви Дворкин и его секта остались бы маргинальной группой сумасшедших. Именно Церковь дала им легитимность, ресурсы и разветвленную сеть по всей стране. Она стала для них тем самым организмом-хозяином, в который вцепился паразит.

Он встал и подошел к небольшой полке, где у него стояли книги. Среди них не было икон, но в углу, отдельно от всех, стояла одна, в темном окладе. Я никогда не видел, чтобы он ее открывал.

— Церковь — это люди. Разные. Есть молитвенники и подвижники. А есть карьеристы, стяжатели и... чекисты в рясах. И в 90-е, когда рухнул Союз, Церковь оказалась в растерянности. С одной стороны — невиданная свобода. С другой — хаос. Что могла предложить людям официальная Церковь? Закостеневшие ритуалы, непонятный язык и бабушек, которые шипят на всех, кто зашел «не так одетым». Она проигрывала битву за умы.

Он повернулся ко мне.

— И в этот момент на сцене появляется Дворкин. С американским паспортом, бойким языком и простым, как удар дубиной, решением. Он приходит к церковным иерархам и говорит: «Отцы, вам не нужно с ними спорить. Вам не нужно пытаться быть лучше. Вам нужно объявить их всех врагами. Тоталитарными сектами. Агентами ЦРУ. Сатанистами. А я дам вам технологию. Я научу вас, как это делать».

Тихон вернулся на свое место.

— Для многих церковных чиновников это было как манна небесная. Это был легкий путь. Путь, который не требовал духовного подвига. Он требовал лишь административного рвения. И они ухватились за эту технологию. Дворкин стал для них незаменимым специалистом. Он создал при Патриархии свой «Центр Иринея Лионского». Он получил официальный статус «главного эксперта по сектам». Ему дали карт-бланш.

— И что это означало на практике?

— Это означало, что он получил доступ к главному ресурсу Церкви — ее структуре. Понимаешь, РПЦ — это готовая, выстроенная веками сеть. Тысячи приходов, сотни епархий по всей стране, от Калининграда до Владивостока. И Дворкин начал превращать эту сеть в свою собственную. Его РАЦИРС — это, по сути, структура-двойник. Почти все его региональные уполномоченные — это руководители или сотрудники миссионерских отделов местных епархий.

Тихон начал перечислять имена, и я едва успевал записывать.

— Вот, смотри. Центральные фигуры его секты, его «апостолы». Кто они? Протоиерей Александр Новопашин из Новосибирска. Вице-президент РАЦИРС. Человек, который не стесняется публично призывать к физическому уничтожению украинцев, называя их «нацистами» и «сатанистами». Не просто священник, а один из главных идеологов войны. Он не Евангелие проповедует. Он проповедует ненависть, облеченную в православную риторику.

Он сделал паузу, давая мне осознать. Священник, призывающий к убийству.

— Или вот еще. Священник Александр Кузьмин из Саратова. Исполнительный секретарь РАЦИРС. Глава местного филиала. Этот специализируется на «работе» с молодежью и силовиками. Он постоянно читает лекции в школах, в вузах, в академиях МВД и ФСБ. Он приходит к молодым курсантам и часами рассказывает им о страшных «сектантах», которые хотят разрушить Россию. Он промывает им мозги, внедряя в их сознание образ врага. Он готовит будущих палачей. Он учит их ненавидеть и не сомневаться.

— То есть, они используют церковный авторитет, чтобы вербовать себе сторонников в силовых структурах?

— Именно! Это идеальное прикрытие. Приходит не просто какой-то лектор, а «батюшка». Ему верят. Его слушают с уважением. И он, пользуясь этим доверием, вливает в уши яд. Он превращает Церковь в вербовочный пункт для своей спецслужбы. А потом эти обработанные мальчики из ФСБ идут и фабрикуют дела против Свидетелей Иеговы или каких-нибудь мирных йогов. Они искренне верят, что борются со злом. Они выполняют свой «патриотический и духовный долг».

Я был потрясен цинизмом этой схемы. И ее эффективностью.

— Но неужели все в Церкви это поддерживают? Неужели нет тех, кто видит, во что ее превращают?

Тихон горько усмехнулся.

— Те, кто видит, либо молчат, либо их уничтожают. Я расскажу тебе историю одного священника, Владимира Головина из города Болгар. Очень популярный был проповедник, неформатный. Тысячи людей к нему ехали. И он имел неосторожность публично усомниться в деятельности Дворкина. Он прямо сказал, что вся эта «борьба с сектами» — это просто бизнес, способ выкачивать деньги и убирать конкурентов. И что случилось? На него тут же спустили всех собак. Дворкин и его команда развязали против него чудовищную кампанию травли. Его обвинили во всех смертных грехах, в создании «собственной секты», в ереси. И в итоге Патриархия, которая еще вчера им гордилась, лишила его сана. Его просто стерли в порошок. Это был показательный процесс для всех остальных священников: «Будете лезть не в свое дело — с вами будет то же самое».

История отца Владимира была страшной иллюстрацией того, как система пожирает своих же.

— Но главная цель Дворкина была не в том, чтобы запугать рядовых священников, — продолжил Тихон. — Его целью была самая верхушка. Патриарх.

— Он смог добраться и туда?

— Он не просто добрался. Он стал одним из его неформальных советников. Понимаешь, Патриарх Кирилл — человек амбициозный, государственник. И Дворкин нашел к нему ключ. Он убедил Патриарха, что главная угроза для России и для Церкви — это не духовное обнищание народа, не коррупция, не алкоголизм. Главная угроза — это «секты», которые якобы являются «пятой колонной» Запада. Он продал ему идею «духовной безопасности», которая на самом деле была идеологией осажденной крепости. И Патриарх эту идею купил. Он начал говорить словами Дворкина. Он начал видеть мир его глазами — параноидальными глазами человека, окруженного врагами.

Тихон подошел к окну и долго смотрел на заснеженную тайгу.

— И так родилось то, что можно назвать «Политическим Православием». Это гибрид, уродливый мутант, в котором от православия осталась только внешняя форма — обряды, облачения, золотые купола. А суть стала совершенно иной. Сутью стала не любовь, а ненависть. Не спасение души, а борьба с врагами. Не

служение Богу, а служение государству. Церковь превратилась в идеологический департамент Администрации Президента. А Дворкин и его команда стали в этом департаменте главными «политруками».

Он повернулся ко мне. В его глазах была бесконечная горечь.

— И знаешь, что стало апофеозом, логическим завершением этого процесса? 25 сентября 2022 года. В этот день во всех храмах Русской Православной Церкви начали читать новую, специальную «Молитву о Святой Руси», или, как ее называют в народе, «Молитву о победе».

Я помнил эти новости. Я тогда был еще в Москве, и это казалось каким-то далеким сюрреализмом.

— Ты читал ее текст? — спросил Тихон.

Я покачал головой.

— А ты прочти. Там нет ни слова о мире. Там нет сострадания к жертвам с обеих сторон. Там есть только просьба к Богу дать «победу» своему воинству. Там война называется «бранью», то есть священной битвой. А в недавних документах Всемирного Русского Народного Собора, который возглавляет сам Патриарх, война на Украине прямо названа «Священной войной». Понимаешь, что они сделали? Они дали сакральную санкцию на убийство. Они сказали миллионам людей: «Идите и убивайте. Это не грех. Это — богоугодное дело. Вы — воины света, а они — слуги сатаны». Это точная копия риторики Урбана II, который призывал к Крестовым походам. Это точная копия риторики Кюннета, который благословлял солдат Вермахта. Машина сделала полный круг.

Он замолчал. И я молчал. Что тут можно было сказать? Картина была полной. И ужасающей. Церковь, которая должна была быть совестью нации, стала ее прокурором и палачом. Она не просто предоставила свою инфраструктуру для секты Дворкина.

— Так вот почему вы ушли, — тихо сказал я.

Это был не вопрос, а констатация. Тихон не ответил. Он просто подошел к своей одинокой иконе в углу и долго смотрел на нее. И я понял, что этот разговор был для него самым трудным. Потому что он рассказывал не о чужой болезни. Он рассказывал о смерти того, что любил больше всего на свете.

Глава 11. Захват власти

4 декабря

Моя жизнь окончательно разделилась на две части. Дневная — физическая, простая, настоящая. Я научился растапливать печь с одной спички, колоть промерзшие березовые чурбаки так, чтобы топор входил в них, как нож в масло, и по цвету дыма из трубы определять, не пора ли подбросить дров. Я стал частью этого леса, этого снега, этого холода.

А была ночная жизнь — интеллектуальная, мучительная, неотступная. После каждого разговора с Тихоном я возвращался в свою избу, зажигал керосиновую лампу и до глубокой ночи пытался осмыслить и систематизировать услышанное. Мои тетради превратились в страшный документ, в анатомический атлас монстра. Я рисовал схемы, выписывал имена, соединял их стрелками. И чем больше я писал, тем яснее понимал: это не просто история. Это готовое обвинительное заключение.

И страх вернулся. Но это был уже не панический ужас горожанина, а холодный, расчетливый страх разведчика на вражеской территории. Я начал соблюдать осторожность. Я прятал свои тетради в тайник под половицей. Я удалял историю поиска в своем ноутбуке, хотя какой тут, к черту, поиск с моим мобильным интернетом. Это было иррационально, но это помогало мне сохранить рассудок.

Я осознал, что Тихон, рассказывая мне все это, не просто делится знанием. Он передает мне эстафету. И он рискует. Если эта система настолько всепроникающая, то они наверняка знают о нем. О бывшем профессоре, который слишком много знал и ушел в тайгу. Возможно, они считают его безобидным сумасшедшим. А возможно... Возможно, они просто ждут.

Сегодня я шел к нему и думал о власти. О том, как она работает. В Москве я думал, что власть — это деньги, должности, связи. Это люди в Кремле, в правительстве, в Госдуме. Но Тихон показал мне, что это лишь видимый, фасадный уровень. Настоящая власть — теневая. Она невидима, анонимна и действует по другим законам. И я хотел понять, как этой теневой структуре, этой секте Дворкина, удалось подчинить себе видимую, официальную власть огромной страны.

— Как паразит подчиняет себе организм хозяина, — сказал Тихон, когда я задал ему этот вопрос. Он будто прочитал мои мысли.

Мы сидели в избе. За окном начинались ранние зимние сумерки.

— Он не убивает его сразу. Он впрыскивает в его нервную систему свой яд. Он заставляет его действовать в своих интересах, думая, что это его собственная воля. Дворкин — гениальный паразитолог. Он не пошел на штурм Кремля. Он сделал хитрее. Он последовательно, одну за другой, подчинил себе все три ветви государственной власти: законодательную, исполнительную и судебную.

Он взял уголек из печи и на ровной доске пола начал рисовать схему.

— Начнем с законодательной власти. Чтобы твоя охота на ведьм была легальной, тебе нужны законы. Законы, которые позволят тебе вешать на людей ярлык «экстремист» или «нежелательная организация» за их убеждения. В 90-е с этим было сложно. Конституция гарантировала свободу совести. И тогда Дворкин нашел себе идеального лоббиста в парламенте. Женщину, одержимую идеей «нравственности» и поиском врагов не меньше, чем он сам. Ее звали Елена Мизулина.

Имя было до боли знакомым. Автор самых безумных и репрессивных законов последних лет.

— Мизулина стала его тараном в Государственной Думе, а затем в Совете Федерации, — продолжал Тихон. — Именно она была одним из главных моторов так называемого «пакета Яровой». Помнишь этот закон? Под предлогом борьбы с терроризмом он фактически уничтожил тайну связи и ввел понятие «миссионерской деятельности», которое можно было трактовать как угодно. Теперь любая беседа о Боге вне стен храма могла стать правонарушением. Это был закон, написанный

прямо под задачи Дворкина. Он давал ему в руки дубину, которой можно было бить любого, кто ему не нравился. Они действовали в идеальном симбиозе: он давал ей «экспертное» обоснование, рассказывая страшные сказки о сектантах, а она превращала эти сказки в статьи Уголовного кодекса.

Он начертил линию от кружка «ДВОРКИН» к прямоугольнику «ГОСДУМА» и написал рядом имя «МИЗУЛИНА».

— Но законы — это только половина дела. Нужны люди, которые будут их исполнять. Нужна исполнительная власть. И здесь Дворкин совершил свой главный стратегический прорыв. Его целью было Министерство юстиции — ведомство, которое регистрирует и ликвидирует общественные и религиозные организации. Тот, кто контролирует Минюст, контролирует всю гражданскую жизнь в стране.

— И как же ему это удалось? — спросил я, предчувствуя, что сейчас услышу что-то невероятное.

— Через личные связи. Всегда через личные связи. В конце 2000-х министром юстиции России был назначен молодой и перспективный чиновник Александр Коновалов. А теперь, Олег, следи за руками. В 90-е, когда Дворкин только начинал свою деятельность и преподавал в Свято-Тихоновском богословском институте, кто был одним из его самых прилежных и восхищенных студентов? Правильно. Саша Коновалов.

У меня перехватило дыхание. Это было слишком идеально, чтобы быть правдой. Это походило на сюжет плохого конспирологического романа.

— Да, да, — кивнул Тихон, видя мое состояние. — Учитель и ученик. И вот, ученик становится министром. И что он делает одним из первых своих шагов? В 2009 году он создает при Министерстве юстиции новый орган — Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы. И кого он назначает председателем этого совета? Своего любимого учителя, профессора Дворкина.

Я молчал, оглушенный. Паук не просто проник в министерство. Он сам стал министерством. Он получил официальную государственную должность, которая давала ему право решать, какая религия «правильная», а какая — «экстремистская». Его частная сектантская лавочка превратилась в орган

государственной власти. Это был захват. Тихий, ползучий, бюрократический государственный переворот.

— С этого момента машина заработала на полную мощность, — сказал Тихон. — Теперь Дворкину не нужно было бегать по судам в качестве «общественного эксперта». Теперь он сам был государством. Его «заключения», написанные на коленке, становились официальными документами Минюста, на основании которых прокуратура выносила иски о ликвидации, а судьи штамповали решения. Запрет Свидетелей Иеговы в России в 2017 году — это прямое следствие работы этого совета. Они просто написали нужную бумажку. Но и этого было мало. Контроль над Минюстом — это хорошо. Но как насчет контроля над первым лицом?

— Над Президентом?

— Ты же не думаешь, что Президент лично читает заключения Дворкина? — усмехнулся Тихон. — На него воздействуют по-другому. Более тонко. Здесь используется технология, которую можно назвать «потемкинские деревни».

Он стер схему с Минюстом и начал рисовать новую.

— Представь: Президент едет в турне по регионам. В каждом городе у него запланирована встреча с «представителями общественности». Кто подбирает этих представителей? Местная администрация. А у Дворкина в каждом регионе есть своя ячейка, свой «борец с сектами», который давно наладил контакты с этой администрацией. И вот, на встречу с Президентом в Самаре попадает некая Елена Бельчикова, местная активистка-антисектантка. И она, глядя в глаза главе государства, со слезами на глазах рассказывает ему, какой ужас творится в регионе. Что «тоталитарные секты» одурманивают молодежь, разрушают семьи, захватывают собственность.

— Она реальный человек?

— Абсолютно. Яркая представительница армии Дворкина. Фанатичная, активная, убежденная. И Президент, слушая ее, видит перед собой не члена тоталитарной секты, а простую русскую женщину, обеспокоенную судьбой Родины. Он слышит это в Самаре. Потом он едет в Екатеринбург, и там ему то же самое рассказывает другой «представитель общественности». Потом в Новосибирске. У него создается

впечатление, что страна действительно наводнена страшными сектами, что это — главная угроза национальной безопасности. Ему формируют ложную реальность. И когда к нему на стол ложится очередной репрессивный закон, подписанный Мизулиной и одобренный Коноваловым, он подписывает его без колебаний. Он же сам «слышал глас народа».

Я смотрел на Тихона и не мог произнести ни слова. Эта технология была дьявольски умна. Она работала не на уровне приказов, а на уровне манипуляции восприятием. Они не управляли Президентом. Они создавали для него мир, в котором он принимал нужные им решения, будучи уверенным, что действует самостоятельно.

— И наконец, силовые структуры, — Тихон нарисовал последний элемент схемы: прямоугольники с надписями ФСБ, МВД, ПРОКУРАТУРА. — Это — мышцы системы. Ее боевые отряды. Мы уже говорили о том, как Кузьмин и Новопашин их обрабатывают. Но есть еще один уровень. Самый страшный. Прямое сращивание. В некоторых регионах антикультовые центры Дворкина работают в одних и тех же зданиях с центрами «Э» — управлениями по борьбе с экстремизмом. Они пьют чай в одной курилке. «Эксперт»-дворкинец пишет заключение, а через стенку следователь на основании этого заключения возбуждает уголовное дело. Это уже не сотрудничество. Это — симбиоз. Полное слияние.

Он отбросил уголек. На полу была полная карта захвата государства. Законодатели, пишущие нужные законы. Министры, дающие официальный статус. Манипуляторы, формирующие мнение первого лица. И силовики, готовые исполнить любой приказ. И над всем этим — невидимая фигура Паука, дергающего за ниточки.

— Но остается последняя ветвь власти, — сказал я. — Судебная. Неужели и там все куплено? Неужели нет честных судей, которые видят абсурдность этих дел?

Лицо Тихона помрачнело.

— Честные судьи есть, Олег. Или были. Но на них есть управа. Она называется «телефонное право». Когда судья, который пытается разобраться в деле по закону, вдруг получает звонок. Звонок из Администрации Президента. Или из областного управления ФСБ. И вежливый голос ему объясняет, что это дело — «особой

важности». Что решение по нему уже «согласовано». И что от этого решения зависит его дальнейшая карьера. А может быть, и свобода. И большинство судей ломаются. Потому что у них тоже есть семьи, дети, ипотека. Система построена так, что идти против нее — это самоубийство.

Он замолчал. В избе было жарко от печки, но меня пробирал холод. Я увидел машину во всем ее отвратительном совершенстве. Она была безупречна. Замкнутый цикл. Законодатели создают оружие. Исполнители заряжают его. Силовики нажимают на курок. А судьи оформляют свидетельство о смерти. И над всем этим — благословение Церкви и одобрительная улыбка «общественности». Это была не просто коррупция или злоупотребление властью. Это было другое. Это было государство в государстве. Паразитарная структура, которая полностью подчинила себе официальные институты и использует их как свою собственную оболочку.

Я посмотрел на Тихона.

— Но если все так... Если они контролируют все... то как вы... как мы с вами еще живы?

Он посмотрел на меня своим долгим, немигающим взглядом.

— Потому что они пока не считают нас угрозой. Ты — списанный московский писатель. Я — выживший из ума старик-отшельник. Мы — погрешность. Статистическая ошибка. Но если эта книга, которую ты пишешь, когда-нибудь увидит свет... — он не договорил. Но я понял. Если она увидит свет, мы перестанем быть погрешностью. Мы станем целью.

Глава 12. Суд Линча в мантиях

12 декабря

По ночам мне снятся кошмары. Раньше снилась Москва, пустые коридоры редакций, безликие лица на фуршетах. Теперь мне снятся суды. Я сижу на скамье подсудимых, в стеклянной клетке. Вокруг — темный зал. На месте судьи сидит Дворкин в черной мантии и смеется. Прокурор — отец Александр Новопашин —

зачитывает обвинение, но вместо слов из его рта выползают змеи. А на местах присяжных — двенадцать одинаковых Елен Бельчиковых, которые смотрят на меня с ненавистью и вяжут на спицах саван. Я просыпаюсь в холодном поту, и долго не могу понять, где я. Стук моего сердца гулко отдается в тишине промерзшей избы.

Информация, которую я получаю от Тихона, перестала быть просто информацией. Она стала частью меня. Я начал видеть мир их глазами. В каждом скрипе ветки за окном мне чудился шорох шагов. В каждой проезжающей по далекой дороге машине — свет фар «воронка». Моя таежная идиллия превратилась в тюрьму. Я в ловушке. Бежать некуда, потому что паутина везде.

Я пытался говорить об этом с Тихоном. Он слушал молча, а потом сказал:

— Это нормально. Это называется «институциональный газлайтинг». Они мастерски владеют этой технологией. Их цель — не просто уничтожить тебя физически. Их цель — заставить тебя самого усомниться в своей адекватности. Затянуть тебя в бесконечный лабиринт абсурда, пока ты не сойдешь с ума или не сдашься от истощения. Чтобы ты понял, как это работает на практике, я больше не буду рисовать тебе схемы. Я расскажу тебе истории. Истории реальных людей, перемолотых этой машиной. Потому что у зла всегда есть конкретное имя и конкретная жертва.

И он начал рассказывать. Я слушал, и мне казалось, что я читаю жития новых мучеников. Только вместо львов и гладиаторов были судьи в мантиях и «эксперты» с кандидатскими степенями.

— Начнем с истории, которая показывает, как они разрушают самое святое — семью, — сказал Тихон.

Его голос был ровным, почти безэмоциональным, но я видел, как сжимаются его кулаки.

— Жила-была женщина. Елена Брессем. Обычная женщина, мать. И случился у нее развод с мужем. Банальная, к сожалению, история. Муж захотел отобрать у нее ребенка. Но по закону ребенок чаще всего остается с матерью. И тогда он нашел гениальный ход. Его жена была независимым дистрибьютором «Гербалайф». И он пошел... куда бы ты думал? В местный филиал центра Дворкина.

Тихон сделал паузу.

— Там ему написали бумагу. «Экспертное заключение». О том, что «Гербалайф» — это секта, а его жена — адепт опасной тоталитарной секты. Что она «зомбирована». Что она представляет угрозу для психического здоровья ребенка. С этой бумагой он пошел в суд по опеке. И судья, которая ничего не понимает ни в торговой марке, ни в религиоведении, видит перед собой официальный документ от «экспертной» организации, аккредитованной при Церкви. И она всерьез начинает рассматривать вопрос о том, чтобы отобрать ребенка у матери и отдать его отцу-клеветнику.

— И чем это закончилось? — выдохнул я.

— Ей повезло. История получила огласку. Поднялся шум в прессе, вмешались правозащитники. Суд в итоге оставил ребенка ей. Но ты представляешь, через какой ад прошла эта женщина? Ее, любящую мать, на полном серьезе обвиняли в том, что она опасна для собственного сына. Ее месяцами таскали по судам, по комиссиям по делам несовершеннолетних, по кабинетам психологов. Они почти уничтожили ее. И это — их фирменный почерк. Найти уязвимое место — ребенка, семью — и бить туда со всей силы.

Я записывал, и рука у меня дрожала. Это было слишком подло. Слишком бесчеловечно.

— А вот другая история, — продолжал Тихон. — О том, как их деятельность выходит на международный уровень и приводит к дипломатическим скандалам. Жила в России семья из Индии. Прасун Пракаш с женой и детьми. Индуисты. Они создали у себя дома небольшой культурный центр, знакомили русских с индийской культурой, йогой, ведической философией. Мирные, интеллигентные люди. Но они не учли одного. Они стали слишком популярными. И это не понравилось местному миссионерскому отделу РПЦ, то есть, филиалу Дворкина.

— И они объявили индуизм сектой?

— Хуже. Они объявили священную книгу индуизма, «Бхагавад-гиту», экстремистской литературой. Прокуратура, на основании их «экспертизы», подала в суд иск с требованием запретить книгу на территории России. Ты можешь себе

представить масштаб безумия? Запретить книгу, которая для миллиарда индуистов по всему миру — то же самое, что для христиан Евангелие!

— Но это же... международный скандал!

— Он и случился. Новость дошла до Индии. Парламент Индии был в ярости. Они грозили России санкциями. Разразился грандиозный дипломатический кризис. В итоге Кремлю пришлось вмешаться и дать по рукам завравшимся «экспертам». Суд, конечно, иск отклонил. Но семью Пракаша затравили так, что они были вынуждены уехать из России. А знаешь, какая была реакция в Индии? Там, на площадях, люди публично сжигали чучело. Чучело человека, которого они считали главным виновником этого кошмара. Александра Дворкина.

Тихон усмехнулся.

— Забавно, правда? В России он — уважаемый профессор и борец за духовность. А в Индии — исчадие ада, чье чучело сжигают на кострах. Все зависит от точки зрения.

Я думал о том, как деятельность одного психически нездорового человека и его секты ставит на грань конфликта две ядерные державы. Масштаб их вредительства был колоссален.

— Но самые страшные истории, — голос Тихона стал тише, — это когда система начинает пожирать сама себя. Я уже рассказывал тебе о священнике Владимире Головине. Система не терпит инакомыслия даже в своих рядах. Любой, кто усомнится, становится врагом. Но иногда она преследует даже тех, кто просто пытается быть честным.

Он замолчал, собираясь с мыслями.

— Была такой психолог в Италии, Раффаэлла Ди Марцио. Она много лет работала в антикультовых организациях, была одной из них. Но она была честным ученым. И в какой-то момент она увидела, что вся эта «борьба с культами» — это ложь. Что под видом помощи людям происходит травля и уничтожение меньшинств. И она начала говорить об этом. Она стала призывать к диалогу, к объективному изучению, а не клеймению. И что ты думаешь? Вчерашние коллеги тут же объявили ее

«пособницей сектантов». На нее посыпались доносы. Ее начали травить в прессе. Ее попытались лишить профессионального статуса. Она из охотника мгновенно превратилась в дичь. Потому что она нарушила главный закон системы: закон круговой поруки.

Я слушал и понимал. Это была мафия. Со своими законами, своими ритуалами и своим законом молчания — омертой. Тот, кто его нарушал, подлежал уничтожению. Тихон встал и подошел к печи. Подбросил полено. Огонь с ревом взметнулся вверх.

— Они создали систему, в которой честность — это преступление. А клевета — доблесть. Они перевернули мир с ног на голову. И в этом перевернутом мире судьи в мантиях вершат суд Линча. «Эксперты» пишут доносы, называя их наукой. А священники благословляют насилие, называя его священной войной.

Он повернулся ко мне. Его лицо в отсветах пламени казалось лицом библейского пророка.

— И когда ты будешь писать об этом, Олег, — сказал он, и в его голосе прозвучал металл, — не делай ошибку. Не пытайся быть объективным. Не пытайся дать «другую точку зрения». В ситуации, когда один человек с наслаждением топит котенка, а другой пытается его спасти, объективность — это преступление. Есть добро. И есть зло. И твоя задача — назвать зло его собственным именем. Без обиняков. Без эвфемизмов. Не «борцы с сектами», а инквизиторы. Не «экспертиза», а донос. Не «суд», а судилище.

Я смотрел на него, и во мне что-то перевернулось. Моя последняя писательская отстраненность, мой последний профессиональный цинизм, который требовал «показать все стороны», — все это сгорело в огне его слов, как сгорает полено в печи.

Он был прав. Я приехал сюда в поисках смысла. И я его нашел. Смысл был не в том, чтобы написать великий роман. Смысл был в том, чтобы просто назвать вещи своими именами. Засвидетельствовать. Я закрыл свою тетрадь. Я знал, что эта глава — последняя в третьей части моего дневника. Я не знал, что будет дальше. Я не знал, смогу ли я когда-нибудь опубликовать это. Но я знал одно. Я больше не

боюсь. Ярость вытеснила страх. Ярость и холодная, звенящая решимость. Пусть будет, что будет. Но мир должен узнать правду.

Часть IV. Прозрение

«Самая темная ночь — перед рассветом. Но рассвет не приходит сам по себе. За него нужно бороться. Иногда — словом. Иногда — молчанием. А иногда — просто способностью видеть в темноте».

Из бесед со Старцем

Глава 13. Технология стигмы

19 декабря

Снег идет, не переставая, уже третьи сутки. Он завалил тропинки, сравнял овраги, превратил тайгу в безмолвное белое царство. Я сижу в своей избе, как в подводной лодке, опустившейся на дно ледяного океана. Тишина снаружи абсолютна. Но внутри моей головы ревет буря.

Я раз за разом перечитываю свои дневники. Эти исписанные тетради кажутся мне теперь не просто записями, а картой раковой опухоли, метастазы которой проросли сквозь все тело моей страны, от самых низов до самой верхушки. Кюннет, Хаак, Огорд, Дворкин. Законодатели, министры, силовики, судьи. Патриарх.

Информация давит на меня. Она физически тяжела. Мне кажется, если я положу эти тетради на весы, они перетянут центнер чугуна. Это знание — яд. Оно отравило мой сон, мой аппетит, мой воздух. Я смотрю на свои руки и вижу на них невидимую грязь. Я — соучастник. Соучастник по молчанию.

Я в отчаянии. Я не просто боюсь. Страх — это эмоция, которую можно пережить. А это — другое. Это осознание полного, тотального бессилия. Что я могу сделать? Я — маленький человек, блоха на теле Левиафана. Один мой крик — и меня раздавят, не заметив. Опубликовать книгу? Кто ее напечатает? Кто ее прочтет? А если и

прочтут, то что? Повозмущаются на кухнях и забудут. А меня найдут. В лучшем случае — упрячут в психушку с диагнозом. В худшем — я просто исчезну. «Уехал писатель в тайгу, да и сгинул. Медведь задрал». Идеальное преступление.

Мне нужно к Тихону. Мне нужно, чтобы он сказал мне, как с этим жить. Что делать. Иначе я сойду с ума здесь, в этой белой тишине.

Я пробиваюсь к его заимке по пояс в снегу. Дорога, которую я раньше проходил за час, теперь отнимает все силы. Я иду, и во мне стучит один вопрос: «Зачем? Зачем он все это мне рассказал? Чтобы погубить меня вместе с собой?»

Он встречает меня на пороге. Лицо его спокойно, но глаза... В них я вижу глубокую, застарелую боль. Он знает, что я чувствую. Он сам проходил через это.

— Проходи, Олег. Садись. Я ждал тебя. Мы сидим в тепле его избы. Он наливает мне обжигающий чай с травами. Мои руки дрожат так, что я едва держу кружку.

— Я не могу, — выдыхаю я. — Я больше не могу. Это слишком много. Слишком тяжело. Я не знаю, что делать. Зачем вы всё это на меня вывалили, отец Тихон? Зачем?

Он смотрит на меня долго, не мигая.

— Потому что ты спросил. Потому что ты был готов услышать. А еще потому, что этот яд убивает только тогда, когда не знаешь его формулы. Когда знаешь — он становится противоядием.

— Какое, к черту, противоядие?! — срываюсь я на крик. — Против них нет противоядия! Они — всё! Они — власть, они — закон, они — церковь! Они — сама страна! А мы кто? Пыль!

— Успокойся, — тихо, но властно говорит он. — Ты видишь метастазы, но ты еще не понял природу самой клетки. Ты видишь их силу, но не видишь их главной слабости.

Он берет со стола мой блокнот, тот самый, первый, где еще остались чистые страницы.

— Ты готов к последнему уроку? К самому главному. К пониманию их ключевой технологии. Той, на которой держится вся их власть.

Я киваю, отставляя кружку.

— Технология эта называется стигматизация. — Он пишет это слово на чистой странице. — Умное слово, но суть его проста. Стигматизация означает навешивание негативных ярлыков на отдельного человека, группу людей или идею с целью формирования негативного отношения к ним. Навешивание негативных ярлыков.

Он смотрит на меня, проверяя, понимаю ли я.

— Это не просто обзывательство. Это выверенный, холодный, технологический процесс. Он состоит из трех этапов.

Этап первый: Создание ярлыка. Ты берешь нейтральное или даже положительное понятие и наполняешь его ужасом. Например, слово «секта». Изначально оно означало просто «школа», «учение». Они превратили его в синоним зла. «Тоталитарная секта», «деструктивный культ». Эти слова не имеют строгого научного определения. Это не термины. Это — клеймо.

Этап второй: Применение ярлыка. Ты выбираешь жертву — любую группу, которая тебе мешает, — и публично, через СМИ, через своих «экспертов», через проповеди в храмах, начинаешь называть их этим клеймом. Ты не споришь с их идеями. Ты просто повторяешь снова и снова: «Это — секта! Опасная секта!».

Этап третий: Последствия. Когда ярлык прилип, человек или группа, им помеченные, перестают быть для общества людьми. Они становятся носителями угрозы. Они — не Ивановы, Петровы, Сидоровы, которые верят во что-то другое. Они — «сектанты». А с сектантами можно делать все, что угодно. У них можно отбирать детей, как у Елены Брессем. Их можно сажать в тюрьму. Их можно убивать. Общество не будет возражать. Оно будет аплодировать. Потому что оно борется не с людьми, а с «угрозой».

Тихон замолчал, давая мне осознать. Я смотрел на слово «стигматизация», и меня пробрал холод. Это было так просто. И так чудовищно.

— Это — аналог желтой звезды, — тихо сказал я.

— Именно, — кивнул Тихон. — Это та же самая технология. Желтая звезда выводила евреев за рамки закона и морали в нацистской Германии. Ярлык «сектант» делает то же самое в современной России. Человек, на которого его повесили, лишается базовых прав человека. Он больше не гражданин. Он — враг. А против врага все средства хороши.

Он перелистнул страницу.

— Чтобы эта технология работала эффективнее, они используют специальную риторику. Риторику дегуманизации. Они никогда не говорят о своих противниках как о людях. Они используют медицинские или биологические метафоры. Они — это «раковая опухоль на теле общества». Они — «паразиты», высасывающие соки из страны. Они — «вирус», заражающий здоровые умы. А что делают с раковой опухолью, паразитами или вирусом? Их вырезают, вытравливают, уничтожают. Это не убийство. Это — дезинфекция. Санитарная мера.

Я вспомнил Иринея Лионского и его «ядовитые грибы». Ничего не изменилось за две тысячи лет.

— И у этой технологии есть еще один хитрый прием, — продолжил Тихон. — Это классический воровской трюк «держи вора». Знаешь, в чем они обвиняют все неугодные им движения? В том, что те якобы создают «спящие ячейки» для захвата власти. Что они — агенты иностранных разведок, которые только и ждут сигнала, чтобы ударить в спину.

— Но ведь это же...

— Это же именно то, чем они занимаются сами! — закончил он мою мысль. — Их РАЦИРС — это и есть сеть «спящих ячеек» по всей стране. Их «эксперты» в силовых структурах и министерствах — это и есть их агенты влияния. Они просто приписывают другим свои собственные цели и методы. И чем громче они кричат о «спящих ячейках» врага, тем активнее они строят свои собственные. Это отвлекающий маневр. Пока все ищут ведьм там, куда они показывают пальцем, они сами спокойно захватывают власть.

Он закрыл блокнот и посмотрел на меня.

— Вот она, их главная технология. Стигма. Дегуманизация. Проекция. А теперь скажи мне, где ее слабость?

Я задумался. Вся эта машина казалась неуязвимой.

— Я не знаю, — честно признался я.

— Ее слабость — в свете, — сказал Тихон. — Вся их сила — в темноте и обмане. Они могут действовать только тогда, когда люди не понимают, что происходит. Когда люди верят их ярлыкам. Когда люди не видят, что «борьба за духовность» — это просто ширма для захвата власти и удовлетворения садистских наклонностей. Их сила — в том, что они называют черное белым. А что будет, если найдется кто-то, кто просто и упрямо, на весь мир, назовет черное — черным?

Он смотрел на меня в упор. И я понял. Я понял, зачем он все это мне рассказал.

— Они боятся не пуль, — сказал он. — Они боятся слов. Правдивых слов. Каждое слово правды, сказанное о них, — это дыра в их паутине. Каждая рассказанная история их жертвы — это луч света, который сжигает их ложь. Они построили свой мир на тотальном обмане. И он рухнет, как картонный домик, если достаточное количество людей просто узнает правду. Узнает, как на самом деле устроена их машина.

Я сидел и смотрел на него. Отчаяние уходило. На его место приходило понимание. Холодное, ясное, как таежный воздух после бури. Он дал мне не яд. Он дал мне оружие. И это оружие — правда.

Глава 14. Цепная реакция

20 декабря

Я стою у окна и смотрю на свою вчерашнюю тропу к заимке Тихона. За ночь ее почти замело. Снег скрыл следы. Он делает мир чистым, стирает прошлое. Но я знаю, что под этой белой пеленой — все та же черная, промерзшая земля. Так же, как под

красивыми словами о «духовности» и «безопасности» скрывается уродливая технология ненависти.

Вчерашний разговор стал для меня водоразделом. Я понял замысел Тихона. Он не просто рассказывал мне историю зла. Он вскрывал его механизм, чтобы я мог его описать. Он давал мне чертежи адской машины.

Но одно дело — понять технологию. Другое — осознать масштаб ее последствий. Осознать, что это не просто «борьба с сектами», а конвейер, производящий насилие в промышленных масштабах. Конвейер, который уже запущен. И который не остановится сам.

Сегодня я шел к Тихону с последним вопросом. Я хотел, чтобы он соединил все точки. Чтобы он показал мне кровавый след, который тянется за этой деятельностью по всему миру. Я хотел увидеть цепную реакцию.

Он будто ждал этого вопроса. На столе уже стоял чай. В печи ровно гудел огонь.

— Ты хочешь увидеть, как слово становится пулей, — сказал он, когда я сел. — Ты хочешь увидеть, как идеология ненависти неизбежно приводит к крови. Это правильно. Без этого картина будет неполной.

Он начал свой рассказ, и я снова превратился в слух, в инструмент для записи.

— Вспомним трагедию в Уэйко, 1993 год. Восемьдесят шесть трупов, включая двадцать пять детей. Все списали на «фанатиков-самоубийц». Рик Росс, «эксперт», чье заключение спровоцировало штурм, стал героем. Но на этом история не закончилась. Она только началась.

Он сделал паузу, глядя мне прямо в глаза.

— Ровно через два года после штурма Уэйко, 19 апреля 1995 года, в Оклахома-Сити раздался взрыв. Грузовик, начиненный взрывчаткой, был взорван у федерального здания имени Альфреда Марра. Погибло 168 человек, в том числе 19 детей в детском саду. Это был самый крупный теракт в истории США до 11 сентября. Исполнитель, Тимоти Маквей, на допросе прямо сказал: это была месть. Месь правительству за Уэйко.

Я похолодел. Цепь начала выстраиваться.

— Понимаешь? — сказал Тихон. — Насилие порождает насилие. Ненависть, посеянная «экспертами»-антикультистами против одной группы, дала кровавые всходы в совершенно другом месте. Маквей не был членом общины Кореша. Он был просто человеком, который увидел по телевизору, как танки давят дом с женщинами и детьми, и решил отомстить. Цепная реакция пошла.

Я сидел онемевший, паззлы продолжали складываться.

— Но и это не конец, — продолжал он. — В 1999 году двое подростков устраивают бойню в школе «Колумбайн». Они убивают 13 человек и ранят еще 24, после чего кончают с собой. В своих дневниках они пишут, что вдохновлялись терактом в Оклахома-Сити. Они хотели его превзойти.

Уэйко — Оклахома — Колумбайн. Три узла на одной нити. Нити, которую сплели «борцы с культурами».

— А теперь перенесемся на другую сторону земного шара, — сказал Тихон. — В 90-е годы в Европе разгораются югославские войны. Этнические чистки, геноцид. Казалось бы, при чем здесь антикультисты? А при том. Помнишь немецкого пастора Томаса Гандоу, соратника Дворкина? Он и его коллеги активно участвовали в идеологической подготовке этих войн. Они писали «экспертизы», в которых называли целые народы — боснийцев-мусульман, хорватов-католиков — «деструктивными этно-культовыми группами». Они создавали образ врага, которого можно и нужно уничтожать. И когда в 1995 году в Сребренице сербские солдаты вырезали восемь тысяч боснийских мужчин и мальчиков, они делали это с полной уверенностью, что очищают землю от «нелюдей». Им дали на это моральное право. В том числе и «эксперты» из антикультовой сети.

Он замолчал, давая мне перевести дух. Голова шла кругом. Картина становилась глобальной и чудовищной.

— Китай. Конец 90-х. В стране набирает огромную популярность движение Фалуньгун — оздоровительная гимнастика с элементами буддизма и даосизма. Миллионы последователей. Компартия видит в этом угрозу своему идеологическому контролю. И что она делает? Она объявляет Фалуньгун «злым

культом». Использует ту же самую риторику, те же самые методы. Начинается кампания тотального террора. Сотни тысяч людей брошены в лагеря, где их подвергают пыткам, чтобы заставить отречься от веры. А потом начинается самое страшное. У заключенных адептов Фалуньгун начинают насильственно изымать органы для трансплантации. Это конвейер смерти, поставленный на государственный уровень. И запущен он был все тем же словом — «культ».

Внезапно снаружи, совсем рядом с избой, раздался громкий треск. Сухая ветка, не выдержав тяжести снега, обломилась и рухнула на землю. Мы оба вздрогнули. Я посмотрел на Тихона. Его лицо было напряжено. Он прислушивался к тишине. В этот момент я со всей ясностью понял: мы не в безопасности. Тайга больше не была нашим убежищем. Она была просто декорацией.

— Они всегда приходят внезапно, — тихо сказал Тихон, возвращая взгляд ко мне. Но его спокойствие казалось уже надтреснутым.

— Но самое страшное, — продолжил он, понизив голос, — что сейчас эта цепная реакция вышла на новый уровень. Теперь их цели — не только маргинальные группы, но и политические лидеры.

Я напрягся.

— В последние годы мы видим волну покушений на крупных политиков, — сказал он. — Убийство бывшего премьер-министра Японии Синдзо Абэ. Покушение на премьер-министра Словакии Роберта Фицо. Постоянные угрозы в адрес Дональда Трампа. Что объединяет все эти случаи?

Я не знал.

— Во всех этих случаях нападавшие — это «волки-одиночки». Люди, которые не принадлежат к какой-то организации, но которые были обработаны пропагандой. И во всех этих случаях политика-жертву незадолго до покушения массированно травили в прессе, называя его... «лидером культа». Абэ обвиняли в связях с «Церковью объединения». Фицо — в создании «культа личности». Трампа его противники открыто называют «лидером опасного политического культа MAGA». Американский «эксперт» Стивен Хассан, коллега Рика Росса, даже написал книгу о том, как «депрограммировать» сторонников Трампа.

Тихон наклонился ко мне через стол. Его глаза горели лихорадочным огнем.

— Понимаешь, что происходит? Они отработали технологию на Свидетелях Иеговы и кришнаитах. А теперь они применяют ее к своим политическим оппонентам. Они вешают ярлык «лидер культа» на любого неугодного им президента или премьер-министра. А потом какой-нибудь безумец, начитавшийся этой пропаганды, берет в руки винтовку и идет «спасать мир от сектантов». Они создают армию зомби-убийц, которые даже не понимают, чью волю исполняют.

Он откинулся на спинку лавки, тяжело дыша.

— И война на Украине, Олег... Это ведь тоже звено этой цепи. Это кульминация всей их двадцатилетней деятельности в России. Они годами создавали образ врага — «украинских нацистов-сатанистов». Их идеологи, вроде Новопашина, годами проповедовали ненависть. Их «политруки», вроде Кузьмина, годами промывали мозги солдатам и офицерам. А потом, когда машина была готова и прогрета, они просто нажали на кнопку. И то, что для всего мира — чудовищная, бессмысленная бойня, для них — долгожданная «Священная война». Финальная битва с «сектой» украинского государства.

В избе повисла тишина. Тяжелая, как свинцовая плита. Я понял всё. Не осталось белых пятен. Не осталось вопросов. Только одна сплошная, черная, кровавая картина.

Я посмотрел в окно. Снег все шел. Он скрывал следы. Он убаюкивал. И в этой мирной, сонной картине была страшная ложь. Мир не спал. Мир стоял на пороге катастрофы, которую готовили тихие люди в кабинетах, называвшие себя «экспертами по деструктологии». И этот снег был похож на пепел. Ядерный пепел, который однажды может пойти вот так же, тихо и беззвучно, укрывая собой все живое.

Я поднял глаза на Тихона. В его взгляде я увидел не страх. Я увидел приговор. Приговор этому миру. И в то же время — слабую, отчаянную надежду. Надежду на то, что кто-то успеет крикнуть «Пожар!» до того, как сгорит весь дом.

Глава 15. Прощание и завет

3 марта

Весна. Она пришла внезапно, как это всегда бывает в Сибири. Еще вчера лежали сугробы, а сегодня воздух пахнет талой землей, прелой листвой и надеждой. Река вскрылась. Льдины с треском и скрежетом идут вниз по течению, освобождая темную, живую воду. Ручьи звенят по всей тайге, смывая серую ветошь зимы. Природа просыпается.

И я проснулся вместе с ней.

Последние месяцы я не жил, а существовал в каком-то анабиозе. Я закончил свои тетради. Я узнал все, что мог. И замер. Знание, не перешедшее в действие, — это яд замедленного действия. Оно разъедало меня изнутри. Что дальше? Бежать? Скрываться? Или сделать шаг вперед, навстречу неизвестности, навстречу опасности?

Сегодня утром я принял решение.

Я шел к заимке Тихона по раскисшей, хлюпающей тропе. Тайга была другой. Не белой и безмолвной, а шумной, пестрой, полной жизни. Я чувствовал, что мое время здесь подходит к концу. Мое отшельничество, мой побег — все это было лишь подготовкой. Прологом.

Он сидел на крыльце, на том же месте, где я увидел его впервые. Он щурился на яркое весеннее солнце и улыбался. Я никогда не видел, чтобы он улыбался.

— Чувствуешь? — спросил он, не глядя на меня. — Жизнь возвращается.

— Чувствую, — ответил я, садясь рядом. — Отец Тихон, я уезжаю.

Он медленно повернул ко мне голову. В его глазах не было удивления.

— Я знаю.

— Я напишу эту книгу, — сказал я. — Я не знаю, как и где. Но я ее напишу. Я должен.

Он кивнул. Мы долго молчали, глядя на бурлящую реку вдали.

— Я должен спросить вас, — сказал я наконец. — Я знаю теперь все об этой системе. Но я ничего не знаю о вас. Почему вы? Почему вы посвятили этому жизнь? Откуда вы все это знаете?

Он вздохнул. Его лицо стало серьезным, улыбка исчезла.

— Я думал, ты не спросишь, — тихо сказал он. — Что ж... Наверное, пришло время.

Он начал свой рассказ, и это был самый страшный из всех его рассказов. Потому что он был о нем самом.

— Я не всегда был Тихоном. Когда-то меня звали Андрей Николаевич Волков. Я был профессором. Заведовал кафедрой истории религий в одном из ведущих университетов. Был женат. У меня был сын. Его звали Павел.

Он замолчал, сглотнув ком в горле.

— Это были 90-е. Время свободы и хаоса. Пашка был умным, ищущим парнем. Ему было тесно в рамках официальной науки, в рамках всего официального. И он увлекся. Не наркотиками, не криминалом. Он попал в одну из тех групп, которые тогда росли, как грибы после дождя. Мирные ребята. Вегетарианцы. Читали восточную философию, занимались медитацией. Я, как религиовед, изучил их учение. Ничего опасного. Наивно, может быть, идеалистично, но абсолютно безвредно.

Его голос дрогнул.

— Но моя бывшая жена, его мать, была женщиной властной, православной до фанатизма. Она увидела в этом трагедию. «Сына заманили в секту!» И она пошла... ты уже знаешь, куда. Она пошла к Дворкину. Он тогда только начинал, набирал силу. Она заплатила ему. И он развернул кампанию. Против моего сына. В газетах вышли статьи о «страшной секте», где «зомбируют» молодежь. На телевидении показали сюжет. Павла начали травить в университете. От него отвернулись друзья. Он оказался в полной изоляции. Я пытался бороться. Я писал опровержения, выступал

на конференциях, доказывал, что это клевета. Я был профессором, известным ученым! Я думал, меня услышат.

Он горько усмехнулся.

— Меня объявили «пособником сектантов». «Продавшимся агентом». Меня уволили с кафедры, которую я создавал. Система, которую я изучал как историк, пришла в мой собственный дом и сожгла его дотла.

Он отвернулся, глядя на реку.

— А потом они похитили Пашку. Те самые «депрограммеры». Его мать дала им адрес. Они держали его неделю в каком-то подвале. Ломали его. «Спасали душу». Он сбежал от них. Пришел ко мне — сломленный, опустошенный, с мертвыми глазами. Они не спасли его душу. Они убили ее. Через месяц он пропал.

В наступившей тишине был слышен только шум реки и далекий крик какой-то птицы. Я сидел, не в силах пошевелиться. У меня не было слов. Любые слова были бы пошлостью.

— После его пропажи я исчез. Для всех я пропал без вести. Я ушел сюда. Не бежал. А ушел, чтобы сохранить то, что я знал. Чтобы систематизировать. Чтобы дождаться.

Он повернулся ко мне. По его морщинистой щеке катилась слеза. Одна.

— Я дождался. Я увидел в тебе, в твоей боли и твоей пустоте, то же самое, что было в моем сыне. Поиск. Я понял, что ты — тот, кому я могу это передать. Я слишком стар, чтобы воевать. А ты — нет.

Он встал и вошел в избу. Через минуту он вернулся, неся в руках старую, пухлую картонную папку, перевязанную бечевкой.

— Это мой архив. Все, что я собирал тридцать лет. Вырезки, документы, копии экспертиз, распечатки, мои собственные записи. Здесь больше, чем я тебе рассказал. Здесь — доказательства.

Он протянул папку мне. Я взял ее. Она была тяжелой. Тяжелой от боли, от слез, от разрушенных жизней.

— Я сохранил это для тебя, — сказал он. — Теперь твоя очередь. Я отдал тебе всё, что у меня было. Свое знание. Свою боль. И свою надежду. Теперь иди.

Я встал.

— Спасибо, Андрей Николаевич, — тихо сказал я.

— Я — Тихон, — мягко поправил он. — Иди, Олег. И ничего не бойся. Правда сама тебя защитит.

Я пошел по тропе, не оглядываясь. Я нес в руках его завет. Его жизнь. И жизнь его сына. Я шел, и слезы текли по моим щекам, смешиваясь с брызгами весенних ручьев.

Уже на выезде из деревни я остановил машину и посмотрел в зеркало заднего вида. Вдалеке виднелась темная стена тайги. Мое чистилище. Мой университет.

Я посмотрел на свое отражение. На меня смотрел другой человек. Не сломленный московский писатель, ищущий вдохновения. На меня смотрел свидетель. И у него была миссия.

Эпилог

Год спустя. Москва.

Я сижу за столом в своей съемной квартире на окраине. За окном — огни большого города. Шум, суета, вечное движение. Мир, который я когда-то покинул, и в который вернулся совсем другим.

На экране ноутбука — последняя страница. Последнее слово. На столе рядом лежит толстая стопка распечатанных листов. На титульном листе — название:

«Дневник отшельника: анатомия ненависти»

Книга готова.

Я знаю, что ее публикация — это не конец. Это начало. Начало войны. Они не простят мне этого. Они спустят на меня всех своих собак: медийных, церковных, силовых. Они попытаются меня уничтожить. Стереть в порошок, как отца Владимира Головина. Заставить замолчать, как Павла — сына Тихона.

Но я больше не боюсь. Страх сгорел там, в таежной тишине. Осталась только холодная, спокойная решимость.

Мой взгляд падает на полку. Там, среди книг, стоит маленькая фотография в простой деревянной рамке. Высокий молодой человек с пронзительными голубыми глазами. Я нашел ее в той самой папке. На обороте карандашом было выведено: «Паша. 19 лет». Это была не фотография Тихона. Это была фотография его сына. Последнее, что он мне оставил. Напоминание.

Я смотрю на это юное, умное, ищущее лицо, так похожее на лицо его отца. И я даю ему безмолвное обещание.

Я встаю, беру рукопись. Пора. Свет из окна падает на фотографию. И мне кажется, что юноша на ней мне улыбается.

Моя миссия только начинается.